Сергей ЮРЬЕВ, Ольга ЧЕРКУНОВА

САГА О ГРАВЕЛЕ
И ТРОЦКИСТСКОМ ЗАГОВОРЕ

Дела не так давно минувших дней

(Журнальный вариант)

Интерлюдия третья[1]

ПОИСКИ ЧЕРНОЙ КОШКИ В НИКОЛАЕВЕ

Поговорка о том, что сложно найти черную кошку в темной комнате, особенно когда кошки там нет, известна большинству читателей. Вот их вниманию и будет представлена история про поиски таковой в городе Николаеве. Необходимость поисков была обусловлена делом товарища Каменецкого Вениамина Моисеевича, оперуполномоченного 3 отдела УГБ НКВД из города Полтавы, обвиняемого в шпионаже. Он давал о себе такие показания:

« — О том, что сионистская организация ведет и шпионскую работу, я знал и в 1926 году... но тогда я шпионскую работу не вел. Шпионом я стал позже, в 1935 году после разговора с Бромвертом и его предложения сообщать ему сведения, интересующие иностранные разведки.

— Следовательно, вы работали в ГПУ, одновременно являясь шпионом?

— Да, это так. В 1935 году ко мне в Згуровский совхоз, где я работал замначполитотдела НКВД, прибыл незнакомый мужчина среднего роста, в очках. При нашем знакомстве он назвал себя по фамилии Кравцов Семен. Войдя в мой кабинет, он сказал, что прибыл ко мне с поручением, но не уточнил, от кого. Кравцов расспросил меня, откуда я родом, есть ли у меня родственники за границей и где они. Выслушав его, я очутился прямо в неловком положении, обдумывая, отчего ему нужны мои биографические данные. При этом Кравцов держал себя весьма скромно. Ответить Кравцову на заданные мне вопросы я сразу не решился, считая, что во всем этом есть что-то подозрительное, но когда он назвал фамилию моей двоюродной сестры Вербицкой Дуси, проживавшей в то время в Румынии в Кишиневе, я поинтересовался, откуда он ее знает. Кравцов не ответил, а лишь улыбнулся и спросил, точно ли моя фамилия Каменецкий. Я ответил утвердительно. Убедившись в том, что я Каменецкий Вениамин Моисеевич и что Вербицкая Дуся является моей двоюродной сестрой, Кравцов без всякого стеснения передал мне письмо в запечатанном виде, в котором говорилось: «Нюма, этому человеку нужно помочь. Твою открытку, где ты снят в форме НКВД, мы через маму получили». Подпись была: «Твоя Вербицкая Дуся».

В общем, дальше Кравцов сообщил, что сестрица имеет связь с польской разведкой и рекомендовала братца Кравцову, а тот тоже резидент польской разведки. «Поставленный в безвыходное положение», так как у него обнаружилась родственница-шпионка, товарищ Каменецкий не выдержал и... решил работать на Кравцова.

Кравцова интересовали: 1) списки агентуры по совхозу и району; 2) сведения о заводах, совхозах, МТС; 3) техническая оснащенность совхозов в Харьковской области машинами и типы этих машин; 4) политические настроения масс в связи с продзатруднениями.

В основном сведения у Каменецкого были. По агентуре он дал список из 6 человек в самом совхозе, но вот по району он смог дать только общую цифру 85 человек, а списка достать не удалось. Кравцов в этот же день уехал, но предупредил, что снова приедет. Сам не приехал, но прислал вместо себя человека, которому и были переданы сведения.

Поскольку Каменецкий был направлен на работу в город Изюм, то он сказал об

[1] Начало «Саги о Гравеле» опубликовано в №18 «Невского проспекта».

этом и дал свой адрес. Трудясь в Изюме с января 1936, Вениамин Моисеевич, пользуясь своим положением, добывал сведения для Кравцова. Особенно Каменецкого интересовал завод оптического стекла, ибо чуял он, что про этот завод его спросят. И Кравцов на встречах был очень доволен. Связь с ним поддерживалась все время, до ареста Каменецкого в 1938 году.

В августе 1936 и в феврале 1937 он дал сведения по выпуску продукции заводом в 1936 году, контрольные цифры на 1937 год, списки сотрудников НКВД в городе и районе, расположение и вооружение 14 отдельного батальона РККА. Это был отдельный стрелковый батальон, занимавшийся караульной службой в городе и на предприятиях.

В сентябре 1937 Каменецкого перевели в Полтаву, и связь временно прервалась. Но Кравцов приехал в Изюм и узнал, что информатор переведен в Полтаву. Матерому шпиону все было по плечу: выехал туда и разыскал Каменецкого в гостинице, где тот временно жил. Товарищ оперуполномоченный, кроме прочего, рассказал, что проходят массовые аресты поляков, немцев, румын, и Кравцову надо быть осторожным. Растроганный Кравцов на сей раз выдал вознаграждение — 200 рублей. Договорились они встретиться в апреле, на улице Короленко 12, где планировалось выделить жилье Каменецкому. К этому времени от агента ждали сведений об арестах, ну и как обычно: о воинских частях и наличии в них новейшего вооружения. Но в апреле Кравцов не приехал, а в мае 1938 завербованный был арестован.

Каменецкого спросили поподробнее, что он знает про Кравцова, и тот сказал, что резидент по национальности молдаванин, живет постоянно в Николаеве на улице Ленина 9. Где он сейчас находится — неизвестно.

Разумеется, Каменецкий еще и поддерживал связь с участниками правотроцкистского заговора. Следователя интересовала Дуся Вербицкая и другие родственники за границей. Дуся на момент допроса жила в Америке, как и другая родственница, которая даже прислала матери Каменецкого оттуда доллары. Долларов было целых пять. Каменецкий про них скрыл, чтобы не подумали, что и тут есть нечто шпионское.

Каменецкий рассказал на допросах, что Кравцов был темно-русый, среднего роста, носит очки. При первом приезде был в сером костюме и шляпе. В январе 1938 года в Полтаве он был одет в кожаное пальто, тоже носил шляпу, курил трубку.

Дальше Каменецкий признавался в связях с сионистом Бабушкиным, с троцкистом Зильберманом и прочими. Следователь Мироненко подшивал в дело протокол за протоколом. Дело закончилось в августе, и Каменецкому были предъявлены обвинения по ст. 54-1«б», то есть измена Родине, 54-8, то есть террор, 54-10 — антисоветская агитация, 54-11 — действия в составе антисоветской организации, а не в одиночку.

А где часть 6, то бишь шпионаж? Первый ответ на это дала справка из Николаева:

«Кравцов Семен Ефимович в городе Николаеве установлен. Работает токарем на заводе «Дормашина». Из разговора с участковым уполномоченным Николаевского областного управления НКВД, который Кравцова лично знает — по приметам не совпадает с разыскиваемым Кравцовым. Кроме того, Кравцов С.Е. — уроженец Николаевской области, украинец, а не молдаванин, в Николаеве работает и живет безвыездно».

Потом стало еще яснее. Потому что Каменецкому повезло, и он не попал под указанную комбинацию частей статьи 54, а по каким-то причинам его дело пошло на доследование в декабре 1938 года, как и Махновецкого. Поэтому в 1939 году он мог рассказать, что никакого Семена Кравцова не знает, он его придумал. Адрес в Николаеве он дал, потому что знал, что на этой улице живут родственники его мамы. Ни в какую антисоветскую организацию он не входил, двоюродная сестра его ни о чем не просила и пр. А назвал он хоть чуть знакомых людей: и товарищей по работе в Кировограде, и даже сожителя матери — это тот, который Бромверт, кого он видел разок, когда заехал к матери в 1937 году.

Почему он дал такие показания? Под физическим воздействием со стороны следователя Мироненко. Это уже упоминавшийся спортсмен, обучавшийся в Харьковском институте физкультуры, и неплохой боксер. Подследственным он говорил, что если те не будут сотрудничать, то станут инвалидами, а могут и сдохнуть, и никому до этого дела не будет. От Каменецкого он требовал признания в шпионаже на Румынию, а потом, когда выбил, то сказал, что нет, к черту Румынию, теперь тот будет польским шпионом. Каменецкий подписывал протоколы. Поскольку в Полтаве дули благоприятные ветры, то в марте 1939 года он был освобожден. Но в мае 1939 написал в Полтавское управление НКВД о своем несогласии со статьей, по которой был освобожден.

В письме Каменецкий поделился подробностями. Арестован он был по приказанию Волкова (тогдашний начальник облуправления НКВД), так как публично усомнился в том, что следствие ведется в правильном направлении по делам врагов народа. 12 мая был арестован, а с 13-го по 17-е каждый день был на допросах и избивался. В итоге написал собственноручные показания, признав себя румынским шпионом, сио-

нистом и правотроцкистом. Он сам себе ставил вопросы и сам на них и отвечал. Спустя некоторое время его отнесли на руках в комендатуру (сам он ходить не мог), где он подписал отредактированные следователями Устенко и Мироненко показания. В них он был только румынским шпионом и сионистом. Сделано это было, чтобы рассмотреть его дело во внесудебном порядке.

Через три недели его снова принесли к Мироненко, который сказал, мол, мы решили, что ты будешь польский шпион, и снова подверг его физическому воздействию. Каменецкий подписал протокол. В августе Мироненко опять применял физические методы воздействия, чтобы добиться подписи под протоколом, что Каменецкий был связан с Брацлавским и они вместе занимались предательской работой в НКВД. Это тоже неспроста: чтобы подвести его под Военную коллегию ВС.

Признательные показания Каменецкого, писанные в мае собственноручно, в деле есть, но почерк вполне пристойный, не как у человека, избиваемого четвертый день подряд и не могущего стоять и передвигаться. Как же он их писал — лежа на полу? Непонятно.

И статья была заменена на 4 пункт «б». Но 13.07.1939 он был уволен из органов НВД в связи с невозможностью дальше его использовать (ст. 38 пункт «в»).

Но и обидчики Вениамина Моисеевича свое получили. Мироненко Федор Климентьевич арестован 15.11.1937, осужден в 1941 на 10 лет лишения свободы. Правда, постановлением президиума Верховного совета СССР от 19.08.1942 исполнение приговора отсрочено до окончания военных действий, направлен на фронт. Волков Александр Александрович повторно арестован 08.03.1939, осужден 20.07.1941 Военной коллегией ВС к ВМН. Следователь Устенко пропал без вести во время Великой Отечественной.

История третья

УЖАСЫ АРТСКЛАДА

Зюзя Маркович Трахтенберг

История Зюзи Марковича и его сослуживцев говорит о том, что для города Кременчуга ликвидация артиллерийского склада стала благом, ибо теперь его жители, читая и видя по телевизору известия о местах, где тоже были и взорвались артиллерийские склады, знают, что это теперь уже их не касается и не произойдет.

Воентехник Трахтенберг был обвинен в том, что являлся членом военно-фашистского заговора и для вящего торжества заговора дезорганизовал систему хранения и движения боеприпасов по складу, а также готовил его взрыв. Впоследствии существование этого заговора было поставлено под сомнение, поэтому читатель вправе считать, что бардак на складе, творимый Зюзей Марковичем, имеет другое происхождение. Какое? Какое хотите.

Впрочем, читателю будут предложены документы, рассказывающие о браке при ремонте боеприпасов, нарушениях правил хранения, чреватых пожаром и взрывом десятка вагонов пороха и прочего, о запутанном учете и хранении, при котором приходится списывать отсутствующие боеприпасы десятками вагонов и тысячами штук, о совершенно запущеном документообороте. В итоге пусть сам читатель и решает, откуда ущерб в полтора миллиона взялся — просто совпало или по религиозным соображениям. Кстати, эквивалент этим полутора миллионам — это 25 танков Т-26. Приблизительно такие бронетанковые силы имелись в Латвии, Эстонии и Литве (и даже хуже).

Трахтенберг сначала служил в мастерской «Б», что занималась ремонтом и изготовлением артиллерийских выстрелов, потом стал начальником операционного отделения склада. Это подразделение осуществляло учет движения боеприпасов по складу и в другие учреждения и части. Поэтому от правильности работы его зависело многое. Например, куда-то отправлена большая партия взрывателей: их отправили, в нужное дело положили документ об отправке, но если не провести убытие взрывателей по всем документам, то уже давно отправленные взрыватели будут числиться за складом. Каков итог этого проляпсуса? Взрыватели продолжают числиться по 27 складу и снова числятся по тому складу или части, где получены. В итоге в стране ниоткуда образовались лишние взрыватели, которых фактически нет. Кто-то в Москве, глядя на бумажки с цифрами, скорректирует следующий заказ взрывателей заводу, уменьшив очередную партию. В результате будут существовать снаряды, реально существующие, но с фиктивными взрывателями, то есть фактически без них. Произойдет омертвление средств на оборону — деньги потрачены, но без толку, потому что произведенным нельзя пользоваться (по крайней мере, пока не обнаружился проляпсус склада №27).

Авторы ничуть не преувеличивают: вот выписка из документа: «152-мм заряды в количестве 16 штук в оперотделе не списаны, хотя на это имеется документ. 107-мм

гранаты для пушки обр. 1910/30г. — не проведено 28 штук, а документ подшит к делу. Дистанционные трубки 5 партии карт. 5242 числятся в хранилище и налицо 1408, а в оперотделе совершенно не проведено, и документа не нашли».

Денежный эквивалент не списанных 107-мм гранат — 249 рублей 73 копейки каждая, а всего — семь тысяч.

Теперь о ключевых фигурах в работе склада, таких как Фостий, который уже упомянался и был ветераном склада, проработав на нем около двадцати лет и пройдя путь от простого рабочего до начальника отдела №1, в заведовании которого находились основные запасы боеприпасов. Такими фигурами, скорее всего, были давно недовольны кое-где надо, а тут на складе случился казус — совпали два момента.

Во-первых — местный: прежний начальник склада Булгаков убыл на службу в другой округ, и были арестованы некоторые сотрудники, сначала товарищ Попов, потом еще кое-кто. А значит, надо было посмотреть, что именно наделали арестованные.

Во-вторых — общий: это события мая-июня 1937 года, то бишь открытие заговора в РККА и поиски других врагов. Поэтому интенданту 2-го ранга товарищу Власову, как новому начальнику склада, открылась очень нерадостная перспектива пострадать за грехи товарища Булгакова и других.

Теперь вообразите себе картину хтонического ужаса, разверзшуюся перед Власовым от осознания, что учету имеющегося на складе доверять нельзя. Абсолютно. И Власов проделывает колоссальную работу, сравнимую с очисткой Гераклом конюшен царя Авгия.

Авторы совершенно не шутят, потому что в 1937 году, кроме уже существующей системы учета, пришлось вести тетрадь отдельного учета, цифрам из которой Власов мог доверять. И еще пришлось четыре раза за год (!) провести полную инвентаризацию склада.

Косвенные подсчеты говорят о том, что выстрелов там было приблизительно три четверти миллиона штук. Возможно, даже больше. После указанного подвига учет полностью еще не пришел в норму, но приблизился к ней. Учет запасов пороха четыре пересчета не привели в норму!

Бумаги в оперативном отделении склада — тоже нет. Но Власов мог уже сказать, что он это обнаружил, он это пресек, он это выправляет и, по крайней мере, не виноват в этом.

А кто это начудесил в надежде и опоре лучшего военного округа Красной армии? Фостий, Трахтенберг и те, на кого они покажут. А подать сюда этих Ляпкиных-Тяпкиных! Пока еще без привлечения следственных и карательных органов.

Судя по документации, Трахтенберг при условии постоянного контроля стал работать лучше, а вот Фостий, как типичный представитель разновидности местных жителей, определяемых тут же как «клятые» — никак.

А тут постепенно стали приходить бумаги из Москвы, Киева, Куйбышева в виде выписок из протоколов допросов. Маршал Тухачевский и командарм Якир могли про них и не знать, но вот арестованный начальник артиллерии округа Бобров или начальник артснабжения Киселев уже точно знают. А бывший начальник склада Булгаков, тоже арестованный — еще подробнее.

Далее — грустная статистика. Бобров Н.М., начарт округа — расстрелян 9.09.1937. Киселев Е.Я., начальник артиллерийского снабжения округа — расстрелян 10.09.1937. Бабанский Н.Э., начальник артиллерийского склада №29 (печально известный до сих пор склад в Балаклее) — расстрелян 1.07.1937. Петрунин А.Н., начальник артсклада №63 в Нежине — расстрелян 13.07.1937. Кискин И.Г., начальник артсклада №64 — расстрелян 18.10.1937. Царьков Н.П., 1893 года рождения, начальник артсклада №72 — расстрелян 06.10.1937 в Харькове. Булгаков Н.И., бывший начальник артсклада №27 — расстрелян 23.01.1938.

Это большинство артскладов «лобового» Киевского округа и подпирающего его сзади Харьковского военного округа.

Рекомендуем поглядеть на даты. Чтобы быть расстрелянным в июле, всего через месяц после суда над группой Тухачевского, нужно быть арестованным заблаговременно. И артиллерийские склады — это не боевые части. Прежде чем до них дойдет очередь, есть много штабов корпусов, стрелковых и кавалерийских дивизий, танковых бригад. А тут ими занялись очень рано. Скорее всего, кто-то (или Бобров, или Киселев) рассказал следствию про нечто ужасное, что могло быть на них. Ну, например, такое, как показал Киселев:

«Политическая неустойчивость начальника склада Булгакова дала мне основание вербовать его в военно-троцкистский заговор. Этому предшествовала отработка Булгакова, сводящаяся к тому, что я неоднократно обращал его внимание на явное вредительство, проводимое им на складе и в мастерской, на вероятность его суровой ответственности в случае придания огласки его деятельности... Работу снаряжательной

мастерской Булгаков организовал так, что собираемые заряды были непригодны для употребления (высокая посадка пыжа)... В июле 1935 года, будучи в Кременчуге с обследованием склада, я снова указал на выявленные мною факты его вредительства и на возможные для него последствия. Я заявил ему, что проводимое им вредительство на складе полностью соответствует задачам военной организации, существующей в Красной армии, которая преследует цель свержения советской власти, эту организацию возглавляют Тухачевский и Якир, и тут же утвердительно сказал Булгакову: «По-моему, вы являетесь участником этой организации. Я тоже в ней состою». Булгаков ничего не ответил. Я продолжал: «Вам смущаться нечего. Этой организацией руководят такие большие люди, которые нас не подведут. Я рекомендую вам войти в состав этой организации. В отделе артиллерии КВО этой работой руководит Бобров». Булгаков дал согласие.

Тогда же я дал Булгакову следующие задания: 1) привлечение новых участников в антисоветский военно-троцкистский заговор по артскладу №27 и снаряжательной мастерской; 2) организация и проведение вредительства по артскладу №27 и снаряжательной мастерской; 3) подготовка и проведение диверсионного акта на артскладе, для этой цели создать диверсионную ячейку. Эти задания Булгаков принял к исполнению и провел следующую работу:

а) Привлечены к участию в антисоветском заговоре начоперотдела склада Ходосько, начотдела хранения Фостий, начцеха снаряжательной мастерской Трахтенберг. Булгаков этим лицам дал задания: Ходосько — задерживать выдачу нарядов в отделы склада на отправку имущества войсковым частям, несвоевременно выдавать документы войсковым частям на отправленное им имущество с расчетом дезорганизации снабжения частей артимуществом; Фостий — производить неправильную комплектацию боеприпасов, бессистемное распределение в хранилище с целью осложнения выдачи их в мобпериод, задерживать ремонт их; Трахтенберг — вредительски проводить ремонт и переснаряжение выстрелов с целью невозможности их использования. По заявлению Булгакова, эти лица приступили к выполнению этих заданий. Об этом меня информировал Булгаков в ноябре 1936 года в бытность его в служебной командировке в Киеве.

б) Тогда же Булгаков сообщил мне, что в части диверсионной работы он подбирает соответствующих лиц для создания диверсионной ячейки в соответствии с моими указаниями, данными ему при вербовке. Давая эти указания, я сообщил ему, что подготовкой и взрывом склада и снаряжательной мастерской будет руководить участник антисоветского военно-троцкистского заговора пиротехник склада №27 Ткаченко, с которым нужно иметь связь по диверсии и подобрать ему в помощь соответствующих лиц из личного состава склада. Ткаченко об этом мною был предупрежден».

А вот показания Булгакова:

«Задачи военно-фашистского заговора Киселевым были сформулированы так: свержение советской власти путем вооруженного восстания, установление демократической республики во главе с Троцким. Исходя из этих положений, мне были даны следующие задания: 1) привлечение новых участников; 2) организация и проведение вредительства на складе №27; 3) подготовка к уничтожению склада и запасов боеимущества путем взрыва и поджога...

По заданиям Киселева со второй половины 1935 года по март 1937 мною выполнена следующая диверсионно-вредительская работа: 1) укомплектованы два вагона 76-мм шрапнельных выстрелов с дистанционными трубками, изготовленными более 20 лет назад; эти шрапнели при стрельбе должны разрываться или в канале ствола орудий, или на территории своих войск; 2) систематически снабжал войска Киевского военного округа некомплектными выстрелами и создал на складе №27 так называемые свободные элементы — более тысячи 122-мм снарядов, не обеспеченных зарядами; 3) раскомплектовал большое количество 76-мм гранатных патронов; 4) задержал испытания 120 тонн пороха, часть которого (около 45 тонн) хранил под открытым небом в слабогерметичной укупорке с расчетом на разложение, самовозгорание и взрыв.

Лично мною в заговор вовлечены: нач. операционного отдела склада №27 Ходосько, начотдела хранения воентехник Фостий и начцеха снаряжательной мастерской воентехник Трахтенберг, которые помогли мне развернуть к.р. вредительскую и диверсионную работу. Непосредственным исполнителем диверсионного акта был воентехник Трахтенберг, который по моим указаниям в мастерскую должен был завести большие запасы пороха как необходимого для сборки артвыстрелов и поджечь путем оставления проолифленной тряпки, которая по своим свойствам легко возгорается.

Наличие двух-трехдневного запаса пороха и такого же количества годной продукции было вполне достаточно для того, чтобы поднять мастерские на воздух. Хранящиеся же запасы готовой продукции при пожаре должны были взорваться и путем детонации взорвать остальные близлежащие хранилища с боеприпасами. Уничтоже-

ние хранилищ мыслилось также путем самовозгорания порохов. Для этого в непосредственной близости от хранилищ с огнеприпасами было сложено до 7 вагонов пороха, который под влиянием атмосферных явлений постепенно разлагался, должен был самовозгораться и вызвать взрыв и пожар.

Вторым исполнителем диверсионного акта по складу был воентехник Ткаченко, вовлеченный в заговор Киселевым. В ноябре 1936 года, в бытность мою в Киеве, Киселев сообщил, что подготовкой к взрывам склада и снаряжательной мастерской будет руководить Ткаченко, с которым я должен был связаться и помочь ему в этом.

О моей к.р. вредительской и диверсионной деятельности знали: 1) помполит склада Кофманов, имевший близкое взаимоотношение с Киселевым, не раз получавший от него премии (охотничье ружье, деньги); Кофманов — ставленник бывш. нач. ПУОКРа Амелина и Гамарника; 2) интендант 3 ранга Чикин, исполнявший мои указания по приемке и отправке ручного оружия. Кем они были вовлечены в заговор, я не знаю».

Вернемся к показаниям на Фостия и Трахтенберга: вот, читатель, когда на обоих товарищей получены такие показания, то как им после этого выжить? Они и так проживут ровно столько времени, пока бумаги ходят из города в город. Правда, авторов смущает вот что: откуда Киселев знает того же Трахтенберга и Фостия, если ему на стол достаточно часто не ложились документы с упоминанием этих фамилий? То, что Булгаков их хорошо знает — это понятно. А Киселев бывал на складе явно раз в год или даже реже... Но ведь книга — о Гравеле, поэтому надо рассказать о качестве следовательской работы.

Дело Трахтенберга — 130 страниц. Конечно, это не многотомное дело начальника Полтавского УНКВД Волкова, но очень-очень много, по средним меркам. 14 марта Трахтенберг арестован, а 22 марта датированы его обширные показания, занимающие машинописные страницы дела с 24 по 39. Есть и рукописный вариант тех же показаний. В них Трахтенберг признался, что был завербован в группу заговорщиков на складе, которая занималась вредительством и в перспективе должна была заняться и диверсиями на складе, устроив там пожар и взрывы пороховой площадки, а если повезет, то и больших запасов. Трахтенберг признался, что для этого он специально скапливал запасы пороха там, чтобы рвануло побольше. При производстве ремонта и снаряжения боеприпасов он допускал нарушения технологии их производства.

Из протокола допроса от 22 марта:

«— Будучи подчинен начальнику военсклада №27 Булгакову по службе, я выполнял отдельные поручения вредительского характера, считая такие задания неправильными. Я пытался ему возражать, но он повторял свои приказания, и я вынужден был выполнять их беспрекословно.

— При каких обстоятельствах вы были вовлечены Булгаковым в заговор?

— В конце 1935 года Булгаков вызвал меня в кабинет и затронул вопрос о буржуазном происхождении, указал, что благодаря этому меня не продвигают по службе. Булгаков указал и на мое плохое материальное положение, обещая свое содействие и помощь. В дальнейшей беседе Булгаков высказывал свое недовольство существующим в СССР строем. Будучи по своей идеологии как выходец из буржуазной семьи, я был враждебно настроен в отношении советской власти, я искал возможности установить связи с антисоветским подпольем. Когда Булгаков предложил мне войти в состав антисоветского подполья, я без колебания дал свое согласие.

— Какие задачи ставила перед собой контрреволюционная организация?

— Булгаков мне говорил, что основные задачи — свержение советской власти и реставрация капитализма в СССР, ослабление обороноспособности страны путем диверсий и вредительства.

— Какие задачи вы получали от Булгакова для исполнения по складу?

— С конца 1935 года по апрель 1937 мною по заданию Булгакова выполнен целый ряд вредительских актов, а именно:

а) Принимал из мастерской «Б» вредительски изготовленную продукцию, в частности, заряды к 122-мм гаубицам образца 10/30 года, которые не имели точных баллистических данных, их отнесли к гранатам увеличенной дальности, благодаря чему нельзя было поднять дальность стрельбы из гаубицы и точность попадания. Указанные заряды мною направлялись в войсковые части. До 40 процентов принимаемого боевого артимущества из мастерской «Б» было вредительски изготовлено, о чем мне было известно, но я все же продолжал его принимать и направлял в войсковые части, зная, что оно непригодно в боевой обстановке.

б) Организовал отправку в части имущества, находящегося в непзапасе, чем разбронировал фонды на мобилизационный период.

в) В 1936 и 1937 годах задерживал отправку пороха на физико-химическое испытание, благодаря чему порох находился под открытым небом в слабогерметической

укупорке и приходил в негодность.

г) Я производил частые перемещения имущества из одного хранилища в другое, отчего оно подвергалось порче: происходили перекосы, слабая утряска заряда, слабое соединение гильз и проч.

д) Произвел упаковку 122-мм гранат сталистого чугуна во влажную тару, в силу чего гранаты подвергались порче.

е) Принял вредительски изготовленные мастерской «Б» 122-мм заряды в железных гильзах с неправильным клеймом, вместо клейма образца 10 года было поставлено клеймо 10/30 года, в результате при стрельбе из гаубицы такими зарядами не будут точные баллистические данные.

— Какие задания и от кого вы получали о подготовке и совершении диверсионных актов на складе №27 и как вы их осуществляли?

— Прямых заданий о подготовке диверсий я ни от кого не получал.

— Вы говорите неправду. Вам предъявляются показания Киселева и Булгакова, в которых вы изобличаетесь как участник и выполнитель диверсионных актов на военскладе №27. Требую от вас правдивых показаний.

— Вынужден сознаться, что являюсь участником подготовки диверсионных актов по заданию Булгакова.

— Какие диверсионные акты на складе №27 приготовлялись вами и каким способом?

— В 1936 году мною были обнаружены три патрона без капсюльной втулки, о чем я доложил Булгакову и получил от него указание: «Пусть лежат», — что я и выполнил, положив их в хранилище, заранее зная, что они могут самовозгореться, чем вызвать пожар хранилища, а затем неизбежный взрыв, который привел бы к взрыву артсклада. Второе задание диверсионного характера — скапливать на пороховой площадке большое количество пороха, что мною и было сделано, я умышленно скопил на площадке до 9 вагонов пороха разных марок, часть которого, изготовления 1916-17 года, в силу своих физико-химических свойств быстро разлагается и самовоспламеняется.

Пороховая площадка располагается на расстоянии 12-15 м от ж.д. ветки, и от проходящего паровоза по ней свободно может попасть на площадку искра и вызвать пожар. При возникновении пожара грозил взрыв близко расположенных хранилищ с боеприпасами. Других заданий диверсионного характера я не получал.

— Кто вам известен из участников антисоветского военного заговора?

— Из участников антисоветского военного заговора мне известны следующие лица: 1) Булгаков Н.И., бывший начальник склада №27, который являлся руководителем заговорщической организации на складе №27; 2) Попов, бывший помначсклада; 3) Кузьмин Ф., бывший плановик склада; 4) Массалов, бывший начальник мастерской «Б»; 5) Дробленов М., бывший начальник цеха мастерской «Б»; 6) Белоконь, бывш. начальник цеха мастерской «Б»; 7) Шляпников И.Т., бывш. Начцеха; 8) Ходосько Е.В., бывший начальник операционного отдела склада №27; 9) Фостий Ф.Д., начальник 1 отдела склада; 10) Коннов А.Н., начальник отдела техконтроля склада; 11) Погребной Е.М., начальник 4 отдела склада №27.

— Вы всех участников заговора, известных вам, назвали?

— Нет, я не показал о Королькове П.М., помначальника склада, который также является участником заговора.

— Кто лично вами был привлечен для выполнения диверсионно-вредительских актов по складу №27?

— Немченко, надзиратель хранилищ склада, Мирный Артем, надзиратель склада, Бондаренко Анна Никитовна, надзиратель хранилищ.

— Когда и при каких обстоятельствах вы вовлекли в контрреволюционную организацию указанных вами лиц?

— Немченко, Мирного и Бондаренко я вовлек в военно-фашистский заговор в 1936 году при следующих обстоятельствах: учитывая, что все завербованные мною крайне нуждались, так как были вольнонаемными и получали низкую зарплату, я в беседе с каждым из них говорил, что могу для повышения зарплаты военизовать их и перевести в кадр, а Бондаренко из ст. рабочего перевести на должность надзирателя. Я поставил перед ними условие — выполнять безоговорочно все мои задания, на что последовало их согласие.

— Вы посвятили Немченко, Мирного и Бондаренко о наличии заговорщической организации на складе?

— Нет.

— Укажите о конкретной деятельности диверсионно-вредительского характера Королькова, Фостия, Погребного, Коннова.

— Мне известно об их диверсионно-вредительской деятельности следующее:

1) Фостий принимал от мастерской «Б» имущество на хранение явно вредитель-

ского изготовления, о чем ему было заранее известно; в частности, он принимал 107-мм заряды 10/30 года, собранные без тесьмы на крышках, что не давало возможности при применении стрелять с уменьшенным зарядом. Гранаты 152-мм сталистого чугуна принял непокрашенными, ржавыми в количестве 8500 штук, которые без исправления хранил целый год. Гранаты 152-мм были со вложенными детонаторами, в которых имелась воздушная пробка. Результатом чего — отказ от разрыва снаряда. Произвел отправку на завод двух гранат окончательно снаряженными вместо неокончательно снаряженных, что не дало возможности заводу проверить партию в качестве снаряжения. В 1937 году принял от мастерской «Б» 76-мм патроны с порохом марки «С.П.», в то время как указанный порох подлежал освежению, в силу этого патроны были некачественными. В 1936 году отправил по специальному назначению тротиловые гранаты вместо аматоловых. Забивал имуществом проходы в хранилищах, что в случае пожара не давало войти в хранилище, чем грубо нарушал в противопожарном отношении существующие правила. В течение 1936 года и 1937 умышленно тормозил отправку образцов на физико-химические испытания, чем умышленно задерживал разгрузку пороховой площадки, подготовляемой как объект для совершения диверсионного акта. Также задерживал отправку образцов порохов от патронов и зарядов. С целью порчи имущества производил бесцельные переброски из одного хранилища в другое.

2) Коннов А.Н. принимал от мастерской «Б» вредительски изготовленные боеприпасы, оформляя актом, что имущество доброкачественное, в то время как ему было известно, что оно вредительски изготовлено. Разрешал сборку 76-мм патронов из пороха марки «С.П.», который подлежал освежению. Такие патроны являлись недоброкачественными. Разрешал исправление брака посредством удара молотком по находящемуся в каморе патрону, что приводило к тому, что из незначительного брака патроны превращались в негодность. Давал распоряжения о принятии зарядов без тесьмы, 152-мм гранат с воздушной пробкой, 122-мм зарядов с неправильным клеймом, патроны к 76-мм пушке с большим браком. Смешивал пороха разных марок и годов изготовления, благодаря чему нельзя было определить качество такового и безопасность хранения.

3) Погребной Е.М. изготовлял и хранил патроны без капсюльной втулки, что может повлечь за собой самовозгорание пороха, а следовательно, привести к пожару и взрыву хранилища. Им были собраны 122-мм заряды из недоброкачественного пороха, которые военсклад №22 признал негодными, требующими переделки. Заведомо неправильно подготовлял образцы порохов и зарядов для отправки на физико-химическое испытания, что тормозило разгрузку пороховой площадки и создавало угрозу самовоспламенения пороха.

4) Корольков П.М. в 1936 году являлся ответственным за работу мастерских, с ведома его мастерские изготовляли вредительскую продукцию, которая сдавалась на хранение, а затем рассылалась по войсковым частям. Разрешал мастерской смешивать пороха разных марок, а потом сдавал их на пороховую площадку, что угрожало порчей пороха и его воспламенением. Привел в запутанное состояния учет и отчетность по мастерским, благодаря чему нельзя установить точное наличие выстрелов и элементов. Корольков, являясь помначком склада, присутствовал на совещаниях, проводимых Булгаковым, где последним давались вредительские установки, что Корольковым проводилось в жизнь.

— Какие задачи вредительского характера давали вы Немченко, Мирному и Бондаренко и что ими было выполнено?

— Специальных заданий я им не давал. Целью втягивания их в диверсионную работу преследовал создать благополучные условия для моей подрывной контрреволюционной работы, которая, возможно, была очевидной для них, — чтобы они молчали.

— Что вам известно о диверсионно-вредительской деятельности на складе №27 Шляпникова, Ходосько, Белоконя?

— Мне известно следующее:

1) Шляпников и Белоконь, будучи работниками мастерской «Б», умышлено выпускали вредительски изготовленную продукцию, заранее зная, что она будет принята согласно данных установок Булгаковым. В 1936 году ими было выпущены 76-мм полевые шрапнельные выстрелы в количестве 100000 штук, из которых 30% с явным браком. В 1937 году Белоконь, будучи начальником цеха мастерской «Б», продолжал выпускать указанные патроны с еще большим процентом брака. Также ими ремонтировались патроны к полковой пушке 76-мм, которые выпускались негодными. Производили сборку патронов с порохами марки «С.П.», благодаря чему патроны не являлись доброкачественными. Смешивали пороха разных марок, сдавая их на пороховую площадку, чем загружали таковую, этим подвергали порох порче и возможности самовоспламенения с вытекающими отсюда последствиями в виде пожара и взрыва хранилищ с боеприпасами.

2) Ходосько давал распоряжения об отправке в войска части имущества из мобзапасов, чем искусственно снижал запасы на мобпериод. Запутал учет и отчетность, благодаря чему не представлялась возможность учесть наличие имущества и полную комплектность, а также и качественное состояние имущества. Ходосько выполнял все вредительские установки Булгакова по работе склада, знал о вредительской деятельности других участников заговора, принимая участие в выполнении заданий Булгакова».

На сем допрос был закончен. Допрашивал, правда, не Гравель, а Борисов, Гравель скреплял своей подписью копию. Из текста протокола допроса видно, как большинство перечисленных работников склада вплетены следователем в деятельность группы заговорщиков. Тем самым получается, что они осведомлены о практически всех сторонах деятельности, в том числе и о планируемых диверсиях на складе. Отчего при помощи того протокола можно подводить всех перечисленных под 8-ю часть статьи, то есть — террор и диверсии.

Сидел на совещаниях, слушал Булгакова? Да. Слышал, как он всем раздавал ценные указания, в том числе и про возможный теракт с помощью пожара пороховой площадки? Получается, что да. Итого — статья 54-8, то есть с применением закона от 1.12.1934. Приговор выносится и приводится в исполнение в тот же день.

Заметим о Мирном, Немченко и Бондаренко, что у следствия не было никаких данных об этих людях. Зюзя Маркович, мол, что-то сказал и тем самым поставил их жизнь на грань могильной ямы. Особенно ярко это звучит, когда знаешь, что эти люди арестованы не были, дожили до пересмотра дела Трахтенберга и хорошо его характеризовали. Им не сказали про показания Трахтенберга: как он вовлекал их в заговор.

Авторам неизвестно, давал ли сам Трахтенберг показания в подобном ключе или это результат действий следствия, но наличие таких показаний — очень серьезный повод для широкой проверки деятельности склада и массовых арестов на нем.

Из протокола допроса Трахтенберга от 13.04.1938:

«— Вы подтверждаете свои показания, данные на предварительном следствии?

— Полностью подтверждаю.

— По показаниям свидетеля Власова, вы приняли из мастерской лит. «Б» 500 000 штук 76-мм выстрелов, вредительски отремонтированных, на 30-40% негодных для боевого использования. Эти выстрелы вы выделили в мобзапас и отправили в части РККА. Дайте показания по существу этого обвинения.

— Прием боеимущества в качественном отношении производит отдел технического контроля, и он гарантирует паспортом качество принимаемого боеимущества от мастерской. Мной принималось боеимущество только по наружному осмотру. Боеимущество, указанное свидетелем, принималось несколькими лицами, ответственными по приемке.

— Зная о запрещении сборки зарядов из американского пороха «С.П.» и выделения таких выстрелов в мобзапас, зачем вы эти выстрелы отправляли в части Красной армии и зачисляли в мобзапас?

— Сборку зарядов с порохами «С.П» производила мастерская «Б» по прямому указанию начальника склада Булгакова и его помощника Королькова. Что же касается зачисления этих зарядов в мобзапас, я об этом случае не помню.

— Направляя на отстрел на завод 300 штук 152-мм гранат, вы направили 2 гранаты с ввинченными взрывателями. С какой целью это вами делалось?

— Я эти гранаты на завод не отправлял. Производил отправку 152-мм гранат для обстрела зав. хранилищем Носуленко, и отправку поверял лично Фостий.

— Объясните, с какой целью вы месяцами задерживали отсылку образцов на физико-химическое испытание.

— Несвоевременная отправка образцов пороха на физико-химическое испытание является результатом моей вредительской деятельности в этом вопросе.

— В чем признаете себя виновным по сути вашего обвинения, известного вам из показаний обвиняемых и очных ставок?

— Я признаю себя виновным в том, что, являясь участником военно-фашистского заговора в РККА, проводил вредительство по 1 отделу военсклада №27, направленное к ослаблению мощи Красной армии и Советского Союза. Проводимая мною вредительская работа записана в моих предыдущих протоколах допросах, и я их полностью подтверждаю...»

Заметим, что в данном случае речь идет не о контрреволюционной агитации, а о сложных технических вопросах производства, хранения и ремонта боеприпасов, что требует специальных знаний. Сотрудники НКВД ими не обладают, что четко видно по данному протоколу допроса. Помощник оперуполномоченного Мармач продемон-

стрировал, что он неспособен сочинить что-то по артскладу самостоятельно. Он и его коллеги, уличая и обвиняя в нарушениях технологии, порче и называя цифры испорченного, опираются на документы, составленные профессионалами. Из этого следует, что картина безобразий на складе №27 не выдумана сотрудниками НКВД.

Из протокола допроса Фостия Ф.Д. от 17.03.1938:

«Контрольного осмотра поступающего имущества из мастерской «Б» техник отдела хранения Трахтенберг не проводил, а я не контролировал. Ранее, еще без меня, вредительски закомплектованные техником Трахтенбергом дистанционные трубки к 76-мм шрапнельным выстрелам в количестве до 20000 штук сроком изготовления до 1920 года мною не перекомплектовывались. Пиротехник Трахтенберг, работая в 1 отделе еще до меня, вывел из строя все мобзапасы по 76-мм системе выстрелов. Аналогичное вредительство было им же проведено по 76-мм дивизионной системе выстрелов. Трахтенберг вредительски закомплектовал 20000 шрапнельных патронов трубками изготовления до 1920 года и 122-мм выстрелы в количестве 12700 штук неправильным зарядом в гильзе с двумя дополнительными пучками без красного довеска».

Допросил сержант госбезопасности Гравель.

Проанализировав сказанное, видна прямо эпической мощи фигура Трахтенберга — он фактически лишил округ боезапаса к двум самым ходовым системам! Ведь по штату в стрелковой дивизии 56 76-мм пушек обоих типов, и расход боеприпасов на них планируется самый большой.

32 с лишним тысячи условно пригодных выстрелов придают дополнительный колорит сказанному. Если 20 тысяч шрапнельных выстрелов просто могут оказаться негодными (а может, и нет), то 12700 выстрелов к 122-мм гаубицам еще и опасны для своих войск. Потому что не вложенная часть заряда изменяет дальность стрельбы орудия. Коль управляющий огнем это не учтет, снаряды могут лечь на позиции РККА. А откуда ему знать, что в тыловом городе Кременчуге Зюзя Маркович их не вложил, а Федор Денисович не проверил или решил, что сойдет и так? Остается уповать на случайность, что отчего-то перед этим было обнаружено несоответствие комплектации.

Если до революции можно было рассчитывать на то, что «Российская земля держится Божьим милосердием, милостью Пречистой Богородицы, молитвами всех святых, благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами», и небесная защита спасет войска от Фостия и Трахтенберга, то сейчас — страна победившего атеизма: милосердия небес можно не дождаться.

Из протокла допроса Коноваленко Ф.В., начальника мастреской «Б»:

« — Что вам известно о контрреволюционно-вредительской деятельности на военскладе бывшего начальника отдела №1 Фостия?

— Могу показать следующее: в мае 1937 года командование военсклада №27 мобилизовало курсы пиротехников для переучета в отделе №1, где в то время был начальником Фостий. Я также был мобилизован на эту работу как техник-преподаватель этих курсов. Целью этого переучета являлось установить действительное положение дел с хранением артимущества в отделе №1 как в качественном, так и в количественном отношении, так как действовавшая до этого вредительская система учета в хранилищах, введенная врагами народа (Булгаковым, Массаловым и др.) требовала точного и полного переучета для проведения ликвидации последствий вредительства. Во время проведения этой работы ни Фостий, ни его заместитель Трахтенберг не уделяли ей должного внимания, никаких указаний не давали и даже к месту расположения не являлись, вся работа шла самотеком. И, по сути, ее значение было сведено к нулю. Никаких реальных результатов проведенная работа не дала, и мероприятия по ликвидации последствий вредительства Фостием и Трахтенбергом были проведены по-вредительски...

Имелось прямое и категорическое распоряжение АУ РККА №317200, что раскомплектование может проводиться только начальником артиллерии округа; мы обнаружили, что в отделе №1 раскомплектование проводили сами работники хранилищ, в том числе Немченко и Мирный, если это ускоряло им отправку. Отправки производили из больших партий, размножали мелкие партии, что очень осложняло ведение учета. Такие распоряжения Фостия и Трахтенберга привели к тому, что одна из моих бригад в течение целого мая месяца скомплектовала боеимущество в хранилище №32, а зав. хранилищами Немченко и Мирный по распоряжению Фостия сразу же их раскомплектовали...

В хранилище №25 нами было обнаружены 37-мм патроны к пушке Розенберга с боевыми зарядами из пороха, который распоряжением АУ должен был быть давно

уничтоженным как опасный для хранения, и он ежеминутно мог воспламениться и дать взрыв. При лабораторной проверке этого пороха он показал низкую стойкость, что показало большую угрозу складу в отношении взрыва. Тогда же в хранилище, где были патроны с этим порохом, хранилось около 50000 штук 37-мм гранат к пушке Розенберга. Числились эти патроны 1 категории, а в действительности 50% их были негодными, так как они были неправильно скомплектованы и не входили в поверочную камеру. Выброска этих гранат в военное время на фронт в части явилась бы полным предательством.

Образцы порохов не отправлялись на испытания по году и больше.

С августа 1937, став начальником снаряжательной мастерской литер «Б», я с Фостием сталкивался почти ежедневно и вынужден был констатировать систематический срыв работы в мастерской по вине Фостия, в силу того что он, как правило, не ежедневно подавал имущество в мастерскую на ремонт, а отремонтированное не забирал по 2-3 дня. В мастерскую очень часто подавалось имущество для ремонта, не требующее этого ремонта.

В феврале 1938 Фостий дал 122-мм фугасные гранаты сталистого чугуна, которые мастерской не были приняты, а после рассортировки из 1849 штук 50% были пропущены на ремонт. Такие факты не одиночны.

— Что вам известно о вредительской деятельности Трахтенберга Зюзи Марковича?

— Работая в операционном отделе военсклада №27, Трахтенберг, вопреки приказу НКО №39, ввел выписку приходно-расходных ордеров не в подразделениях, как это требовалось по приказу, а в оперотделе, со специальной заявкой. Оформление заявки и сбор подписей настолько загружало работника, ведущего учет по мастерской «Б», как это положено по штату, что он не мог справиться с ведением учета, и началась целая путаница, что я рассматриваю как вполне сознательное вредительство в ведении учета боевого имущества.

— Что вы еще можете показать по делу Трахтенберга и Фостия?

— Больше ничего показать не имею».

Допросил — Гравель. Дата — 7.04.1938.

Что касается истории с 37-мм выстрелами. Пушка Розенберга — первоначально траншейная, позднее использовавшаяся как противотанковая, до поставки в армию специальных противотанковых орудий, то есть уже в 30-е годы. Сообщаемые факты о наличии в хранилище запрещенных к хранению и подлежащих уничтожению выстрелов к ней — это крайне серьезное нарушение и демонстрация беспорядка, чреватого серьезными последствиями в виде пожара и взрыва. Сведения о том, что половина наличного запаса выстрелов к пушке вовсе негодны и опасны в обращении — дополнительный штрих к картине. Опасность в том, что если снаряд не входит в поверочную камеру, то это значит, что геометрия его не совпадает с каморой орудия. При попытке выстрелить им возможен разрыв ствола и гибель расчета.

Изощрения с неуставными требованиями к учету — это звучит прямо издевательски.

И не в первый раз сообщается о пресловутых 122-мм гранатах сталистого чугуна. Новые, изготовления 1933-34 года, гранаты помещают на хранение так, что они проржавели. Через некоторое время до них доходят руки, и гранаты отправляются на ремонт. Их 1849 штук. В мастерской оказывается, что половина из них в ремонте не нуждается, поэтому их возвращают.

Из протокола очной ставки между свидетелем Коноваленко Ф.В. и обвиняемым Трахтенбергом З.М от 8.04.1938:

«Вопрос свидетелю Коноваленко:

— Вы показали следствию, что Трахтенберг проводил вредительство в области хранения и комплектования боеприпасов. Подтвердите ваши показания.

— Показания подтверждаю. Трахтенберг и Фостий в хранилищах вели в полном смысле вредительскую работу. Я со своей бригадой, производя переучет запутанного вредителями-врагами народа, наладил учет в хранилище №2 по распоряжению начсклада наладил, но по указанию Трахтенберга и Фостия порядок был через несколько дней нарушен. В хранилище №25 мною обнаружены 37-мм патроны к пушке Розенберга с боевыми зарядами из пороха, который распоряжением АУ должен быть давно уничтожен, так как он опасен в смысле хранения, может воспламениться и вызвать взрыв. По вине Трахтенберга и Фостия он хранился на складе. В этом же хранилище обнаружено 50000 37-мм патронов с гранатами к пушке Розенберга, которые числились как патроны 1 категории, в действительности из них 50% были негодны, так как неправильно собраны и не входили в поверочную камеру... Все действия Трахтенберга и Фостия срывали нормальную работу мастерской «Б», что является вредитель-

ством.

Вопрос обвиняемому Трахтенбергу:

— Вы подтверждаете эту вашу вредительскую деятельность совместно с Фостием на военскладе №27?

— Я учетом группы, в которую входили 37-мм патроны, не ведал. Все хранение в 1937 году возглавлял Фостий, который в первую очередь несет ответственность за их хранение. Хранение порохов также не входило в мою группу ответственности, этим ведал Гончаров. Вопросы направления в мастерскую на переснаряжение боевой продукции ведает начальник 1 отделения. Тогда ведал Фостий, который и несет за это ответственность. Это он направлял годную продукцию на переснаряжение».

Очную ставку проводил оперуполномоченный 5 отделения Гравель.

Трахтенберг снова аккуратно пытается переложить свою ответственность на других. По вопросу о хранении порохов он сам 22 марта давал показания: «С конца 1935 года по апрель 1937 мною по заданию Булгакова выполнен целый ряд вредительских актов... В 1936 и 1937 годах я задерживал отправку пороха на физико-химическое испытание, благодаря чему порох находился под открытым небом в слабогерметической укупорке»... А также Трахтенберг признается, что с целью подготовки диверсии на складе он умышленно создавал излишние запасы пороха на пороховой площадке, угрожающие пожаром и взрывом.

Так что, когда Трахтенберг говорит, что «хранение порохов также не входило в мою группу ответственности, этим ведал Гончаров», он когда-то говорит неправду: или 22 марта, или сейчас. Потому что если не производится отправка образцов пороха на испытания, то в этом виноват ответственный за их хранение. Если ответственный Гончаров, то зачем Трахтенбергу признаваться, что он блокировал отправку на испытания? Если он был вынужден следствием дать такие показания, то ему проще и легче сказать, что виноват Гончаров, а он по халатности это не проконтролировал.

Из протокола очной ставки Фостия и Трахтенберга:

«Вопрос обвиняемому Фостию:

— Вы показали, что Трахтенбергом скомплектованы заряды в гильзах к гаубице обр. 10/30 года и гранатам увеличенной дальности и вы их не перекомплектовывали?

— Подтверждаю, что эти заряды я принял от Трахтенберга, который их комплектовал.

Вопрос обвиняемому Трахтенбергу:

— Эти обвинения вы признаете?

— Эти заряды скомплектовывал я, но в ведомости я указал, что укомплектованы без пучка №4. В последней инструкции указано, что их надо держать на особом учете и войскам не выдавать».

Это еще одно указание на то, что сотрудники НКВД в боеприпасном деле не разбираются. И Гравель даже не догадался, какую чушь он записал в протокол. На очной ставке он склоняет обоих признать, что Трахтенберг скомплектовал выстрелы 76-мм и 122-мм и Фостий их принял. Но ведь это то, что они и так обязаны делать! Так же как он должен бороться со шпионами. Если бы обнаружилось, что выстрелы скомплектованы неправильно или вредительски, то другое дело. Не зря Александра Иосифовича таки вытурили из оперуполномоченных...

Из протокола допроса Гравелем свидетеля Стрелковского Е.А., помначальника склада №27, происходящего из дворян, закончившего 6 классов гимназии, награжденного юбилейной медалью «20 лет РККА»:

«Трахтенберг, работая в отделе №1, руководил химической лабораторией склада, то есть заведовал учетом порохового хозяйства. Образцы отправлялись несвоевременно, в мою бытность с июля до сентября не отправлялись. Учет химических испытаний порохов не велся.... При составлении комплектации на 1.10.1938 были допущены грубые ошибки по комплектации выстрелов для 107-мм пушки обр. 1877г., 152-мм гаубицы Виккерса и 203-мм гаубицы марки VI. Комплектация на 1.01.1938 составлена также небрежно. Оставшиеся в складе ведомости комплектации написаны карандашом, от времени цифры стираются, так что, поскольку они не имеют фактического значения (без подписи), он от них мог в любое время отказаться. Заведомо зная о неправильной сборке зарядов к 122-мм гаубице обр. 10/30 и к 152-мм гаубице обр. 1909/30 без пучка, всё в ведомости комплектации не отметил. Больше показать ничего не могу».

Теперь ознакомимся с документом, на основании которого даже без протоколов допросов Киселева и Булгакова дело Трахтенберга (и Фостия тоже) будет плохо. Выписка из донесения инспектору группы контроля наркома обороны СССР от 13.3.1938 на №371:

«В военном складе №27 НКО СССР во главе с бывшим начсклада Булгаковым орудовала гнусная шайка троцкистов (Попов, Масалов), шпионов (Белов, Галарда), вредителей (Кузьмин, Дробленов, Климов, Шумиловский) и другие из вольнонаемных рабочих и служащих склада. Эти враги окопались в ремонтно-снаряжательной мастерской боеприпасов лит. «Б» и в химической мастерской «М», где выпускали вредительские (непригодные к боевому использованию) боеприпасы и также вредительски отремонтированные противогазы.

Приблизительный подсчет расходов, связанных с переремонтом выпущенных врагами боеприпасов только лишь из числа находящихся в наличии одного склада №27 за период их вражеской деятельности с 1934 по 1 июня 1937 — 800000 руб. и примерно на такую же сумму расходов на переремонт боеприпасов, выпущенных той же мастерской склада за тот же период, но отправленных складом №27 в в/ч и военные склады НКО, а всего примерно на сумму 1500000 рублей. В эту сумму не входят расходы, связанные с переремонтом вредительски изготовленных противогазов, которые невозможно подсчитать, так как вредители сознательно запутали подсчет выпущенных противогазов на 14000 штук, а учет материалов, инструментов и оборудования был запутан на 20000 рублей.

Партийная организация склада смогла мобилизовать всю общественность на ликвидацию этой гнусной своры врагов народа и за период с апреля по июнь 1937 года полностью их разоблачила и выгнала их из своих рядов, а к настоящему моменту все они уничтожены нашими контрольными и судебными органами. Парторганизация склада сумела также возглавить и работу по ликвидации последствий вредительства, сумела мобилизовать весь личный состав склада на борьбу по ликвидации последствий вредительства по складу.

Из детального ознакомления со всеми материалами до 1937 года и годичного наблюдения за работой начальника отдела хранения склада №1 интенданта 3 ранга Фостия Ф.Д. и начальника оперотделения склада воентехника 1 ранга Трахтенберга З.М. со всей очевидностью напрашивается вывод об их преступной вредительской работе, видимо, вкупе с всей шайкой врагов народа, орудовавших на складе №27 НКО...

76-мм патроны к полевой пушке обр. 02 года собраны мастерской склада и приняты отделом хранения вредительски: а) перекос патронов до 30% (не проходят в поверочную камору); б) расхождение стыка ведущего пояска с гильзой более, чем позволено ТУ — в 40%; в) обжим дульца гильзы на 28 мм вместо 30-36 мм, что создает слабость соединения гильзы со снарядом — 100% полевых и полковых гильз; г) ржавчина в очке шрапнелей до 20%, ржавчина по корпусу снарядов в отдельных партиях (особенно с мелинитовым и шнейдеритовым наполнением) доходила до 100%; д) боевой заряд полковых патронов собирался из американских порохов «С.П.» вплоть до апреля 1937 года, хотя даже бывшим вредительским руководством ГАУ РККА эти пороха были запрещены в сборку еще в 1935 году.

Об этих вредительских боеприпасах не могли не знать лица техперсонала отделов — особенно Трахтенберг, который являлся одним из основных «технических помощников» бывш. помначсклада троцкиста-вредителя Попова, осужденного вместе с другим вредителем Кузьминым из мастерской «Б». После приема обоих отделов хранения в конце 1936 года и умалчивания об этих боеприпасах в такой же степени за них ответственен и Фостий, проводивший ту же политику замалчивания вредительства.

Помимо этого — до апреля 1937 года было вовсе запутано пороховое хозяйство склада... и не распутано еще на 100% после года работы над этим вопросом. Остались еще вопросы баллистического отстрела порохов (особенно запутаны 122-мм снаряды).

Общий учет боеприпасов в отделах хранения и мастерской «Б» был запутан настолько, что потребовалось за 1937 год четыре раза снимать наличие боеприпасов всего склада (на 15 марта, 1 июня, 1 октября и 1 января 1937 года), и все-таки даже на сей день на 100% этот вопрос еще не распутан. И целый ряд вопросов о недостатках и излишках боеприпасов пришлось «свести» в специальную книгу недостач и излишков, чтобы производством отдельного расследования решить эту проблему. Виновные в ней — Фостий и Трахтенберг и бывш. начальник оперотделения склада, ныне начальник оперотделения склада №72 интендант 3 ранга Ходоско, который был переведен из склада №27 в июне месяце 1937 года.

Работа с апреля 1937 года: 1) никакой активной борьбы по разоблачению врагов народа и вредительской деятельности как со стороны Трахтенберга, так и особенно стороны Фостия не было совсем; 2) настойчивых и энергичных действий по ликвидации вредительства, особенно у Фостия — не было вовсе. Трахтенберг, будучи переведен в оперотделение склада, попал под более жесткий контроль и заметно стал более лучше работать, видя неусыпный контроль со стороны парторганизации склада; 3) Фостий в практической работе не перестроился совсем: а) засылка и недосылка боеприпасов в в/ч КВО; б) повторение задержек в отправке на физико-химические испытание об-

разчиков порохов — до 2 месяцев; в) прием незаконченной ремонтом продукции из мастерской склада (в 152-мм гранатах не вложены войлочные подкладки для устранения воздушной пробки), и вместо своевременного исправления пытался грубо втереть очки комиссии, обследовавшей склад, что наиболее резко бросалось в глаза как факт очковтирательства 11.03.1938 инспектору отдела контроля при НКО майору Эрн; г) продолжают иметь место факты неправильной подачи боеприпасов на ремонт в мастерск. «Б» одних партий вместо других, что говорит за полное безразличие и о полной потере чувства ответственности (122-мм заряды и 76-мм патроны в марте 1938).

Вывод: вся прошлая работа Фостия и Трахтенберга (до 1937 года) заставляет сомневаться в их честности и преданности делу партии и наводит на мысль об их принадлежности к шайке врагов народа, орудовавших на складе до конца июня 1937 года; на основании изложенного, прошу срочного изъятия Фостия и Трахтенберга из состава склада №27 и производства расследования по их деятельности.

Начальник моботделения Кауфман».

Авторы не заостряют внимание читателя на подробно описанных нарушениях технологии производства и ремонта боеприпасов, они обращают внимание на тональность документа. Что сказано в нем, если исключить технические детали и словесные обороты? Вот что: на складе было значительное число вредителей, которые до лета 1937 года оказались в НКВД. Перед складом встала задача по ликвидации последствий их вредительства. Тогда еще товарищи Трахтенберг и Фостий находились под некоторым подозрением, но оставались на свободе. У них был шанс исправиться и ударным трудом искупить свою вину. Трахтенберг под жестким контролем стал работать лучше. Фостий — нет. И начались новые прегрешения на старый лад. Если провести аналогию с процессами над еретиками: «впал в прежние заблуждения». Для еретика рецидив ереси означал пламя костра, если он снова впадал в ересь, уже раз отрекшись от прежних заблуждений. А тут подоспели протоколы процессов в других местах, где прямо сказано об участии Трахтенберга и Фостия в заговоре.

Confutatis maledictis
Flammis acribus addictis.

НКО в лице товарища Кауфмана отрекается от заблудших и упорствующих в ереси своих прежних работников и передает их в руки НКВД. Вот таково видение авторов.

Другой подобный документ: выписка из акта №00182 (ноябрь 1937):

«Комиссия в составе председателя командира дивизиона 23 АП майора Стоякова Ф.И. и членов комиссии политрука Мелешко П.З., ст. арттехника воентехника 2 ранга Николаева И.С. и оперуполномоченного Особого отдела Кременчугского горотдела НКВД лейтенанта госбезопасности Богатько Г.С. на основании приказа по войскам ХВО №0159 провела обследование военсклада №27 и нашла следующее:

1) Хранение имущества 1 отдела:

Имущество, находящееся в хранилище НЗ, скомплектовано согласно распоряжению АУ РККА по партиям, годам изготовления. Литеровка по дням отправки разложена применительно к условиям хранилищ. Комплектация зарядов 122-мм гранат УВД гаубицы обр. 10/30 гг. была произведена вредительски без 4 пучка и красного довеска начальником 1 отдела интендантом 3 ранга Фостием и ст. пиротехником воентехником 1 ранга Трахтенбергом. Такой комплектации — 75% снарядов... В хранилище, совместно с выделенным имуществом, хранится большое количество имущества, требующего мастерского ремонта... Боеприпасы хранятся вопреки приказу №616/129 с большой перегрузкой. По приказу высота штабеля не должна превышать шести рядов, а в действительности хранится от девяти до двенадцати рядов. Проходы между штабелями для осмотра должны быть не менее 0,75 м, рабочие проходы — 1,25 м. В действительности расстояние в этих проходах в большинстве хранилищ нарушены, что создает затруднения в работе. Причина такой скученности — отсутствие наличия хранилищ.

2) Состояние боеприпасов:

При комплектации огнеприпасов начальником 1 отдела Фостием был проведен просмотр их качественного состояния, в результате чего снаряды оказались небоеспособными. Пример: 152-мм гранаты марки 80-38-81-6-37-27 — с детонатором 22-мм, а требуется 107-мм, в результате чего взрыватель РГ-6 не ввертывается в очко на 15 мм и снаряды в количестве 1417 штук требуют срочной перестановки детонаторов; из этих снарядов в войсковые части отправлено 159 штук по наряду КВО... Две партии 33 и 60 — поставлены детонаторы малых размеров, что создает воздушную подушку между взрывателем и детонатором в 10-13 мм вместо допустимой нормы 2 мм. 33 партия имеет конструктивный недостаток — неодинаково рассверлено очко под взрыватель, имеются стаканы на 10 мм глубже нормального.

Заряды к 152-мм гаубицам до 20% требуют перечистки в мастерск. «Б», имеются помятость, окисление, ржавчина в очке капсюльной втулки. 152-мм снаряды системы

Виккерса просмотрены только на окраске и подгонке взрывателя. Проверка центрирующего утолщения и ведущего пояска не проведена, поскольку нет контрольных приборов. Медные ведущие пояски имеют помятости в 70%. 122-мм штатные гранаты 12 завода 4 партии 1932 года под взрыватель УГТ — очко имеет ржавчину на 86 процентов и окрашено центрирующее утолщение. Партия №3 имеет потертость краски по корпусу снаряда и ржавчину до 10%. Снаряды завода РСЗ партии 2 1936 года, окончательно снаряженные взрывателем УГТ, сильно смазаны густой снарядной мазью по всему корпусу, а под смазкой старая ржавчина и раковины. Заряды к 122-мм снарядам марки 7/7-11/30-К-7/11-30-К, 9/34-К-12/34-48 — высокая посадка пробкового пыжа 11-18 мм, что препятствует укладке в зарядные ящики. 107-мм гранаты 4 партии 1937 года — ржавое очко взрывателя. Шрапнель 107-мм 3 партии 1937 года — ржавчина в очко до 37%, покраска проведена неаккуратно. Заряды к 107-мм пушкам раздельно-гильзового заряжания: складские партии 1, 2, 3, 4 1937 года пропущены через мастерскую «Б» склада №27, и обнаружено, что нет тесьмы обтюратора, и стрельба раздельным снарядом увеличит время в три раза. Сборка проводилась при враге народа — начальнике мастерской Массалове, ОТК не проверялось, в части отправили по нарядам: партия №Р-827 — 1882 шт., Р-8252 — 100 шт., Р-8278 — 18 шт.

76-мм шрапнель к пушке обр. 1902 и 02/30г., складская 2 партия 1936 года: с окислением гильзы в местах подкладок — 65%, не заходит в поверочную камору — 14%, ржавчина очка — 6,7%, ржавчина гайки втулки — 11%, большой зазор между дульцем гильзы и пояском — 2,5%.

76-мм шрапнели к пушкам обр. 1902 и 02/30г., складская 3 партия 1936 года: окисление гильз — 57%, не заходит в поверочную камору — 9%, ржавое очко — 11%, ржавая гайка втулки — 15%.

76-мм шрапнели к пушкам обр. 1902 и 02/30г., складская 11 партия 1936 года: окисление гильз — 47%, не заходит в поверочную камору — 9%.

Остальные партии, начиная с августа месяца, исправны.

Гранаты к пушке полковой системы обр. 1927 года сборки мастерской — май 1937 года: имеется 26% не входящих в камору.

76-мм зажигательные патроны из просмотренных партий системы Гронова: 1 партия 1935 года оказалась на 50% со ржавым очком. Из системы Стефановича-Погребняк — 12,5% с ржавым очком. Остальные все элементы выстрела хранятся в отдельности.

Винтпатроны с трассирующей пулей: партия 85 1937 года из просмотренных оказалось на 8% с шатающимися пулями в цинках... 86 и 89 партии того же завода — с шатом пуль около 8%. Винтпатроны с тяжелыми пулями 60 завода 2 партии 1937 года — шат пуль 5%. Обыкновенные винтпатроны 17 партии 1937 года — шат пуль 5%. Остальные партии оказались исправными.

3) Пороховое хозяйство:

В оперативной части учет порохов поставлен неудовлетворительно, запутан, но имеются данные о переиспытании некоторых сортов пороха. Пороховая площадка, где хранятся пороха, после разделки загружена накоплением пороха до 12 вагонов. На испытания в химлаборатории пороха отправлялись только 7 октября 1937 года. Ввиду отсутствия навеса, порох лежит под открытым небом... В пороховых хранилищах порох хранится правильно. Лаборатория склада по определению порохов на метил-виолет работает...»

Из протокола очной ставки Трахтенберга и Ходосько:

«Вопрос к Ходоско:

— От кого вам стало известно, что Трахтенберг является участником военно-фашистского заговора?

— Мне об этом сообщил участник заговора Фостий, с которым я был связан по контрреволюционной работе.

— При каких обстоятельствах это вам сообщил Фостий?

— Работая на складе №27, я наблюдал, что Трахтенберг проводил вредительскую деятельность, как-то: умышленно затягивал составление ведомостей комплектации после получения имущества, хранил некомплектно взрыватели в хранилище №10 и производил отправку имущества, выделенного в запас. Зная от Фостия, что перед участниками заговора ставились такие задачи, я в декабре 1936 года спросил у Фостия, не является ли Трахтенберг участником заговора, на что он ответил удовлетворительно.

Вопрос к Трахтенбергу:

— Показаниями Ходоско вы изобличаетесь в принадлежности к военному фашистскому заговору. Признаете ли вы это?

— Я категорически отрицаю свое участие в военно-фашистском заговоре.

— Вами проводилась вредительская работа, о которой указал Ходосько?

— Случаи составления ведомостей комплектации не в срок и хранения некомплектных взрывателей в хранилище №10 мне неизвестны. Что же касается отправки имущества, выделенного в запас, то таковое отправлялось на основании распоряжения быв. начсклада Булгакова и оперчасти с указанием адреса отправки».

Причина проведения очной ставки уже после окончания дела Трахтенберга (оно окончено 15 апреля) авторам неведомы. Возможно, это нужно было для дела Ходосько, благо в этот момент оба обвиняемых находились в Полтавской тюрьме. Как мы видим, Трахтенберг перешел к полному отрицанию своего участия в заговоре, хотя до этого дал показания об участии. От обвинений во вредительстве он пытается пассивно уйти, заявляя, что он такого не помнит и во всем виноват Булгаков.

Далее в деле следует (лист 115) документ о лицах, проходящих по показаниям обвиняемого Трахтенберга. Данные из этого списка, соответствующим образом оформленные, могли стать основанием для новых следственных дел. В деле Трахтенберга список внушительной, из 15 человек. Он, конечно, уступает списку Амчеславского (29 человек), но занимает второе место среди подобных документов, виденных авторами. Упомянутым в списке Булгакову, Попову, Дробленову, Фостию, Массалову, Кузьмину это уже не повредит, поскольку пятеро из них осуждены, а с Фостием уже работают. А вот остальные девять... Шляпников И.Т. — «устанавливается», Ходосько убыл на службу в Полтаву (тоже осужден), Белоконь — в Харьковский военный округ. Остальные — лица начальствующего состава склада: Коннов, Погребной, Корольков и три надзирателя хранилищ. На надзирателей есть только материал от Трахтенберга о их вовлечении в заговорщическую деятельность и о выполнении его вредительских приказаний. Это вполне надежный повод для ареста и заведения дела.

13.04.1938 Трахтенбергу было предъявлено обвинение по статье 54, части 1 «б», 7, 8, 11. Следствие закончено и дело направлено в Военную коллегию Верховного суда СССР. 17.10.1938 он был доставлен на выездное заседание ВК ВС СССР. Заседание началось в 23.10. Подсудимый отводов составу суда не давал, ходатайств не делал, сообщил, что свои показания на следствии подтверждает полностью, виновным себя признает, в антисоветскую организацию он был вовлечен Булгаковым в конце 1935 года. Ему предоставлено последнее слово, в котором он просит снисхождения. Заседание закрыто в 23.25. Вынесен приговор — ВМН. Поскольку присутствовала восьмая часть статьи, то по закону от 1.12.1934 приговор приводится в исполнение немедленно. Есть справка о приведении приговора в исполнение.

В 1940 году жена Трахтенберга Рива Бенционовна обращалась в Прокуратуру СССР с просьбой пересмотреть дело. Помощник военного прокурора ХВО Худопин, изучив дело, отказал в пересмотре, поскольку вина подсудимого доказана полностью. В 1967 году был подан протест прокурора в Военную коллегию в связи с вновь открывшимися обстоятельствами (вновь открывшимися были те обстоятельства, что лица, упомянутые в деле как участники заговора, ныне реабилитированы). И Военная коллегия ВС 27.08.1967 рассмотрела дело Трахтенберга и вынесла определение №44-0563/47. В нем сказано, что бывший начальник военсклада Булгаков, давший показания о вовлечении Трахтенберга в заговор, осужден необоснованно и реабилитирован. Другие, упомянутые в деле, а именно Массалов, Дробленов, Фостий, Ходосько, Кузьмин реабилитированы, а Мирный и Бондаренко к уголовной ответственности не привлекались. Они же на допросах в 1967 году охарактеризовали Булгакова положительно, отрицали, что он предлагал им вступить в антисоветскую организацию, и о существовании такой на складе ничего не знают. Бывшие сотрудники НКВД по Полтавской области Борин и Куликовский, принимавшие участие в расследовании этого дела, впоследствии были осуждены за фальсификацию дел. Руководствуясь этим, Военная коллегия по вновь открывшимся обстоятельствам приговор отменила и реабилитировала Трахтенберга.

Дело Трахтенберга резко отличается массивом доказательной базы от большинства дел, виденных авторами. Можно сомневаться в том, что деятельность Трахтенберга обусловлена участием именно в военно-фашистском заговоре, но нет сомнений, что вредительская деятельность имела место. Поэтому авторы и высказывают свое сомнение в выводах ВК ВС СССР.

Интерлюдия четвертая

СЫН МОНАХА И АНАРХИСТА, А ТАКЖЕ САМОСНАБЖЕНЕЦ

Загорулько Даниил Дмитриевич, 1902 года рождения, уроженец города Кременчуга, украинец, служащий, оперуполномоченный НКВД до ареста, член ВКП(б) в 1920-1938 гг. (тоже до ареста). Многогранная личность.

Вопрос следователя:

— Выходит, вы карьерист-шкурник?

— Совершенно верно.

А вопрос возник потому, что ранее в анкетах он писал, что вступил в ВКП(б) кандидатом, а потом выбыл механически. Сейчас же Даниил Дмитриевич сообщил, что сам вышел из партии, почитав НЭП предательством интересов рабочих. Но, побегав немного, он якобы понял, что если желает получить ответственную и хорошо оплачиваемую работу, а не тяжелый труд, то ему надо быть в партии и делать карьеру. Вот тут-то и был задан этот вопрос, на который он так и ответил.

По поводу «сына монаха» — да, и это было. Его отец — незаконнорожденный сын батрачки. Родственники отдали его в монастырь, где он провел от десяти до пятнадцати лет. При советской власти отец в 1922-м арестован за анархистские проявления. Когда Загорулько Даниил поступал на службу в органы НКВД, он сказал об этом? Естественно, нет. Почему? Из шкурнических соображений, как написано в протоколе.

Собственно, это качество его и подвело. Был он начальником районного отделения НКВД, но возгордился и занимался самоснабжением, путал свое с казенным, а мышей не ловил, и выперли его из начальников и понизили до оперуполномоченных. О чем свидетельствует акт товарища инспектора Шапиро от 20.08.1935.

С февраля по август 1935 года трудился товарищ Загорулько в Большекрынковском районе, где во взаимодействии с начальником районной милиции оба «систематически самоснабжались в колхозах и предприятиях района». Продукты приобретались у лиц, подлежащих активной разработке. Скажем, в совхозе имени «10-летия КНС» Махорочного треста им продукты отпускал завхоз Загура, состоявший на оперативном учете как ранее служивший у Петлюры. Удалые самоснабженцы обменяли у колхоза в Веселой Долине кобылу на жеребца. Через некоторое время они передумали, решили договор расторгнуть, для чего приехали и буквально силой выпрягли лошадь и забрали, на что колхозники пожаловались.

В Манжелиевском сельсовете Загорулько получил дрова на себя и своего соратника, но не оплатил. И так далее — про 10 головок свежей капусты, про пренебрежение оперработой, а вместо нее выезды на охоту и самоснабжение, невнимание к условиям жизни подчиненных, на что те обижались и жаловались.

И рекомендовал Шапиро самоснабженца снять с должности и понизить до оперуполномоченного. И был издан приказ №48 по ХОУ НКВД от 3.09.1935, где в параграфе третьем сказано, что Загорулько за описанные прегрешения с должности снять, арестовать на 15 суток и погасить задолженность перед организациями за взятые продукты.

В 1938 году он по-прежнему оперуполномоченный. Арестован по обвинению в участии в правотроцкистской организации. Подписывал все документы и признавался. Дело содержит не только протоколы, составленные следователем, но и лично написанное заявление, что он кается и хотел бы искупить вину трудом.

Обвинялся в преступлениях по ст. 54-8, 10, 11. Но в итоге и Загорулько тоже повезло, и вместе с другими он был освобожден в 1939 году. Про признания заявил, что это вследствие физического воздействия.

А что было дальше с ним? 30.06.1945 направлен в лагерь 286, рядовой.

История четвертая

ИСКУШЕНИЕ ГРАВЕЛЯ ИЗМЕНОЙ РОДИНЕ И ЖЕНЕ

Ночь, тишину которой прерывает только храп и постанывание соседа снизу. Ему на верхнюю койку никак не взобраться после тесного общения с Синицыным, вот и лежит внизу, и храп прерывается только очередным приступом боли, отчего балаклейский товарищ стонет, но не просыпается. Счастливец, он даже после Синицына спит, а вот Александру Иосифовичу не спится которую ночь. И неизвестно, сколько еще не спать, пока не наступит вечер заседания Военной коллегии Верховного суда, после которой спать уже не потребуется. Можно сказать и так, что тогда будет вечный сон, без просыпу, и никто не потревожит и не прервет. Но пока Военная коллегия занята.

Он заканчивал следственные дела по военно-фашистскому заговору на военскладе в апреле-мае, но пару раз видел старых знакомцев оттуда еще в сентябре. Сотрудников НКВД (точнее, бывших) в тюрьме стараются отделить от прочих арестантов, но больно плотно набита областная тюрьма, оттого и увидишь кого-то, когда ведут в баню или на прогулку. Хоть мельком, но лица узнаешь. Хотя тюрьма людей не красит, особенно тех, кто махнул на себя рукой и впал в прострацию. Александр Иосифович про это много раз слышал и даже видел, вот только прочувствовать это надо на своей шкуре: сидишь и ощущаешь, что чем больше сидишь недвижно, тем быстрее уходит из тебя жизнь. Тоже так в июле махнул на себя рукой, благо сержант Зайцев чем-то был

занят, и допросов долго не было. Нет, он сердечной жабы не испугался, она в 36 лет бывает редко. Просто так сидеть, уставившись в стенку камеры и погружаться в черную бездну отчаяния — это то, чего делать нельзя. А для чего жить? Показания подписаны, очные ставки тоже прошли, хоть шестая часть и отпала и о шпионаже больше речи не идет, но хватит и оставшегося. 54-1 «б», 54-8, 54-11. Десятая часть была? А, неважно. 1 «б» — однозначный расстрел, 8 — еще и скорый, по закону от 1 декабря, послекировскому. До следующего дня доживешь, только если комендантская служба забегается и исполнить не успеет.

А в прошлом году самому жить не хотелось, так что пошел на станцию и стал готовиться к тому, чтобы дождаться поезда и выскочить на рельсы перед ним, чтобы машинист не успел затормозить. И вот, пока он сидел и допивал бутылку, дочка Леночка и постаралась: добежала до железнодорожной милиции и сказала, что вон там дядька хочет под поезд броситься. Наряд прибыл, взял папашу под белы ручки, не забыв и бутылку, и доставил в отделение. А тут-то и вскрылось, что гражданин с бутылкой, плакавший на скамейке, — не загулявший местный, а сержант госбезопасности! Комиссия отца Дионисия! Набрали номер облуправления, на зов прибыл недовольный Вепринский, глянул на подчиненного:

— Идти можешь?

— Да, товарищ начальник отделения, ик!

— Вот и пойдем. А ты, товарищ, не занимайся бюрократизмом. Никаких бумаг от тебя не нужно, — это было сказано дежурному, чтобы не проводил задержание по книге и докладную не писал. Незачем.

И ушли оба, не прощаясь. Вепринский — потому, что такой он был «пыхатый», как на родине обоих говорили, или заносчивый. Сам Александр Иосифович — потому, что хлебное вино в голову ударило, оттого он еле-еле себя удерживал вертикально и не падал, а уж куда ему было вспомнить, что сзади два милиционера осталось.

Сосед снизу застонал снова, но уже в иной тональности. Александр Иосифович соскочил и нагнулся к нему. Дыхание соседа снизу, как ему показалось, стало немного булькающим. Эх, черт, лампочка больно тусклая, при ее свете любое лицо такие тени покрывают, что живого за труп примешь! А из окна света еще долго не будет — ночь. Но пульс вроде не хуже, чем раньше. Нет, все-таки показалось, нет клокотания в дыхании. Значит, пока будет жить тезка и до утреннего подъема дотянет. Пора лезть обратно наверх, нести свое одинокое бдение: «Высоко сижу, далеко гляжу!»

И для чего все это? Зачем он мучается которую ночь без сна, чтобы дождаться сна вечного и непрерываемого? Марксоленинская философия тут не помогает, да и церковная не очень. В школе про это поясняли так, что суд каждому будет, и окажешься ты в книге живых или книге мертвых, а потом грешники получат свое полной пригоршней, а праведных вознесут к вышнему престолу. Это если он ничего не путает из слов отца Викторина, которые были услышаны много лет назад. Да, отец Викторин намекал, что сковородки, на которых будут жариться грешники — это народное заблуждение, хотя грешникам от этого будет не легче, ибо есть кое-что пострашнее поджаривания на сале. Когда же Грицько Лебеденко спросил, что же может быть ужаснее огня или кипения в котле, отец Викторин печально улыбнулся и сказал, что до того, как попасть в подземное пекло, человек может ощутить ад в своей душе, да так, что подземный огонь покажется ему прохладным ветерком. Саша это услышал и запомнил, хотя смысл сказанного дошел до него куда позднее.

Ну, а пока вспомнилось:

«— Расскажите о ваших связях с заграницей.

— Никаких связей с заграницей я не имел.

— А кто из родственников проживает за границей?

— В Польше проживает сестра жены Попова Мария Ивановна, в Латвии проживают братья отца Петр Михайлович и Антон Михайлович, но переписки с ними не было.

— Когда выехали ваши родственники за границу?

— Мой отец — уроженец Курляндской губернии, но выехал оттуда еще до революции, а его братья остались на жительстве там. До 1917 года мои родители имели переписку с ними, после этого связь прекратилось.

— Вы арестованы как участник правотроцкистской организации. Вы признаете себя виновным в этом?

— Да, признаю. Я действительно являюсь членом антисоветской правотроцкистской террористической организации с 1937 года. В организацию меня вовлек бывший секретарь Полтавского горотдела НКВД Здыховский Николай.

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы были вовлечены Здыховским в организацию.

— На работу в горотдел НКВД я прибыл в 1935 году. В 1936 году начальником горотдела НКВД был назначен Вепринский. С Вепринским с первых дней его пребывания

в Полтаве у меня установились чрезвычайно плохие взаимоотношения. Постоянные столкновения с Вепринским и форменный террор со стороны Вепринского в конце концов довели меня до такого состояния, что я совершил неудачную попытку покончить с собой. Всему составу горотдела было известно о моих взаимоотношениях с Вепринским, многие мне сочувствовали, и особое сочувствие ко мне проявил б/секретарь горотдела Здыховский. Здыховский после каждого моего столкновения с Вепринским приходил ко мне в кабинет, успокаивал меня и нередко информировал, что думает предпринять в отношении меня Вепринский. Так, например, он как-то сообщил, что Вепринский специально затребовал мое дело из Харькова для просмотра, что после этого Вепринский высказал подозрение насчет моих связей с заграницей и причастности к шпионажу. В одной из таких бесед, после очередного столкновения с Вепринским, Здыховский повел со мной разговор, во время которого сказал, что положение мое действительно незавидное, что Вепринский действительно может создать против меня дело о шпионаже и предлогом для этого могут служить мои интимные связи с женой арестованного врага народа Свиридова Романовой. Затем он перевел разговор на тему того, что вот он — бывший офицер царской армии, что про это ему часто напоминает Вепринский и что таким, как мы, спокойной жизни не будет. Постепенно наши разговоры начали принимать антисоветский характер, причем Здыховский все чаще и чаще сводил наши беседы к положению бывших людей, к полному зажиму демократии в партии и в пример приводил борьбу троцкистов против партии и те репрессии, которые применялись к ним как инакомыслящим. В этих беседах я открыто поддерживал Здыховского, а в мае месяце 1937 года после очередного антисоветского разговора Здыховский начал уверять меня, что такое положение в стране долго существовать не может, что неизбежны перемены, в подтверждение чего сказал, что сторонников троцкизма немало, и репрессии в отношении троцкистов перемен в существующем строе не остановят. Здыховский мне сказал, что сторонники троцкистов имеются и в НКВД, в частности, у нас в горотделе. Когда я поинтересовался — кто конкретно, он мне назвал фамилии Назарова, Лазуренко, Загорулько, заявив, что и сам является участником правотроцкистской организации. Подготовив меня таким образом и открыто заявив о существовании правотроцкистской организации в горотделе НКВД, Здыховский предложил мне принять участие в ней, на что я дал свое согласие. Через некоторое время я почувствовал резкое изменение в отношениях со стороны Вепринского, это дало мне повод предположить, что Вепринский также причастен к заговору и что преследования меня с его стороны имели определенную цель. Правда, ни тогда, ни позже Вепринский прямо не подтвердил моих предположений.

— Вам известны были задачи организации?

— Безусловно. О них мне говорил Здыховский. Эти задачи мне, правда, были и самому известны. Задачи сводились к свержению существующего строя и реставрации капитализма в СССР путем диверсий, вредительства и террора против руководителей партии и правительства. Эти цели я полностью разделял.

— Какую вам роль отвели?

— Вскоре после вербовки меня Здыховским я связался с участником организации Назаровым. По заданию Назарова и Здыховского я проводил предательскую деятельность в органах НКВД. Первым долгом я дезориентировал связанную со мной агентуру, отвлекая внимание от вскрытия и разоблачения троцкистских формирований. Получая материалы от агентуры об антисоветской деятельности и троцкистов, я указывал агентам, что даваемые ими сведения ничего не стоят, и направлял их на разработку других лиц. Кроме этого, получаемые материалы о троцкистах просто уничтожал. При ведении следствия я проводил вредительскую деятельность, старался выводить из дела троцкистов, не записывая в протокол показания арестованных о других участниках заговора, старался их выгораживать. Так, например, в моем производстве было дело на троцкиста майора Владимирова, и несмотря на наличие веских материалов о его антисоветской и вредительской деятельности в области стрелковой и боевой подготовки курсантов, я следствие свел к тому, что все эти обвинения отпали и дело было прекращено и он освобожден из-под стражи. Также мною было уничтожено около 15 сводок агентуры, в которых сообщалось об а/советских троцкистских проявлениях курсантов ВПУ: Тимчука, Гаврилова, Смирнова и др. В декабре я получил назначение в Кременчугский горотдел НКВД. Перед отъездом мне Назаров поручил прощупать личный состав горотдела, с тем чтобы выяснить, кого можно вовлечь в правотроцкисткую организацию.

— Как вы выполнили это поручение?

— Знакомясь с личным составом горотдела, я остановил внимание на работавшем в горотделе в качестве оперуполномоченного Махновецком. Об этом Махновецком мне было известно, что до Кременчуга он был начальником райотделения Камышнянского района, откуда снят за троцкистские проявления, выразившиеся в протаскивании

троцкистских установок о невозможности построения социализма в одной стране. С целью прощупать Махновецкого я начал вести с ним разговоры о его прошлом и троцкистских проявлениях в Камышнянском районе. Махновецкий сначала мне пытался представить свои троцкистские высказывания, имевшие место в районе, как случайность, явившуюся результатом его недостаточного политического развития, заявляя, что именно этим и объясняется то, что, несмотря на неоднократные его выступления троцкистского порядка, он отделался только выговором по партийной линии. Я начал действовать решительнее и заявил, что не верю, чтобы его неоднократные троцкистские проявления были случайностью и что в условиях 1937 года, когда всякие троцкистские проявления рассматриваются как враждебный акт, он просто так отделался выговором. На его замечание насчет политической неграмотности я просто посмеялся, заявив, что вопрос о том, можно ли построить социализм в одной стране, теперь ясен каждому ребенку, и навряд ли ему кто-то поверит, что, заявив о невозможности построения социализма в нашей стране, он просто оговорился. В последующих беседах я, убедившись в его антисоветских взглядах, рекомендовал ему быть со мной более откровенным и прямо сообщил, что бояться ему меня не следует, так как я сам являюсь участником правотроцкистской организации. На поставленный вопрос Махновецкому, согласен ли он принять участие в организации, Махновецкий сначала растерялся, а потом начал рассказывать мне, что он уже является участником и был вовлечен б/секретарем Камышнянского райпарткома Долгих. Я не только протаскивал троцкистские трактовки и разделял террористические установки, но и прикрывал вредительские действия участников организации, в частности б/директора МТС Назаренко. В партийной организации района по этому поводу было много разговоров, но, несмотря на это, райпартком, возглавляемый Долгих, ограничился таким мягким взысканием. Махновецкий мне рассказал, что из-за опасения, что я буду в конце концов разоблачен, Долгих ему рекомендовал выехать из района, для чего самому поднять вопрос. Когда, по словам Махновецкого, он начал отказываться поднимать вопрос лично, боясь, что, признав ошибки, он сам себя угробит, Долгих заверил его, что все будет в порядке, и если запросят мнение райпарткома о нем, то он его выручит. Мы договорились поддерживать между собой связь и практически проводить вредительскую деятельность, главным образом по прекращению дел на троцкистов и по развалу агентурной работы.

— Махновецкий знал об участниках правотроцкистской организации по облуправлению НКВД?

— Конечно. В порядке взаимной информации я сообщил ему, что в облуправлении НКВД группа работников, в частности Назаров, Загорулько, Лазуренко, являются участниками заговора, что я с ними поддерживаю связь. О принадлежности Махновецкого я сообщил Назарову.

— А Махновецкий лично с кем-либо из участников организации в Полтавском облуправлении связан был?

— Нет, я обещал ему свести его с Назаровым, но это мне не удалось, так как с февраля месяца в Полтаве начались аресты троцкистов, в том числе и Назарова».

И этими показаниями товарищи Зайцев и Тимченко вполне удовлетворились. Признание есть, теперь надо провести несколько очных ставок, на которых помянутые в показаниях друг друга увидят, узнают и подтвердят то, что сказано ранее про членство в правотроцкистской организации, а также про участие в ней делом. Разумеется, в их показаниях тоже написано, что и они тоже в организации и знают, что Гравель в ней.

А как сделаны вышеприведенные признания? Спустя несколько месяцев подуют какие-то иные ветра, и в декабре Александр Иосифович скажет уже другому следователю:

«— Я показаний на Махновецкого не давал, я подписал готовый протокол.

— Почему же вы подписали готовый протокол?

— Я подписал протокол, потому что меня следователь Зайцев бил, а перед очной ставкой с Махновецким меня бил следователь Устенко в присутствии Зайцева.

— Почему вы указываете, что следователи вас били, когда вы сами били арестованных при допросе?

— Я бил одного арестованного и претензий, что меня били, не имею, а заявил, что меня били, из того, что я подписал протокол показаний, которых я не давал.

25.12.1938 допрос проводит начальник отделения УГБ УНКВД младший лейтенант госбезопасности (подпись неразборчива) в присутствии пом. военного прокурора по Харьковской области старшего политрука Сагайдакова. Католическое рождество, наверное, падает снег. Костела в Полтаве нет, так что вряд ли донесутся рождественские гимны до кабинета следователя. Но что-то сдвигается в хорошую сторону. Однако до этого надо было дожить, и до «что-то сдвигается», и до того, как оно сдвинулось.

А вот тождественны ли начальник 4 отделения УГБ НКВД младший лейтенант госбезопасности Тимченко, допрашивавший Гравеля 17 сентября, и тот с неразборчивой

подписью, которому Гравель отвечал 25 декабря? Подписи несколько похожи, но авторы не уверены, что это не кажется. Зато как интересно получалось бы, если это один и тот же человек.

Но нашелся знающий читатель Е.С.А. и написал: «Это разные люди подписывали: у первого признаки ровного характера (с небольшим «лоском»), а тот, кто подписывался под нижним фото — «с фантазиями, вплоть до мечтаний». Разница в полноте подписи, написаниях букв (изгиб у совмещённых «им» разный — на одной фото более прямолинейный, на другом более округлый)». Спасибо ему, пойдем дальше.

16 сентября 1938 года. Этим числом датирован протокол допроса на 15 страницах. Допрашивался Загорулько Даниил Дмитриевич, 1902 г.р., до ареста оперуполномоченный УНКВД, тот самый сын монаха и анархиста, он же самоснабженец. На тринадцатой странице есть запись: «Свои люди, значит, члены организации. Когда я задал Лазуренко вопрос, в каких районах и кто из сотрудников НКВД, он мне ответил, что в Кременчуге работает Гравель Александр, который ранее состоял в облуправлении НКВД. Этот Гравель еще в 1937 году был вовлечен в организацию Здыховским по поручению Назарова, и там же в Кременчуге орудует участник организации Махновецкий Лев, организационно связанный с Гравелем». Про остальных тоже написано, но оставим их до появления других исследователей, которые ими заинтересуются.

Выпуска из показаний Здыховского от 19.09.1938:

« — Я хочу сообщить следствию о существовании при Полтавском городском, а потом при Полтавском областном управлении НКВД антисоветской правотроцкистской террористической организации, в состав которой входили... и Гравель, лично мной вовлеченный в организацию...

— Расскажите, при каких обстоятельствах был вовлечен в организацию Гравель?

— Гравель работал в Полтавском горотделе НКВД, систематически высказывал недовольство своим положением и службой в НКВД, о чем он делился со мной своим мнением. Зная Гравеля как нестойкого коммуниста, к тому же имеющего родственников за границей, я, по предложению Назарова, начал с ним общаться и, убедившись в его антисоветских взглядах, поставил его в известность о существовании правотроцкистской организации, ее задачах и предложил ему вступить в нее, на что Гравель дал согласие. Гравель проводил предательскую деятельность в органах НКВД, всячески скрывал от разоблачения контрреволюционные троцкистские кадры».

20 сентября была проведена очная ставка между Гравелем и Загорулько. Оба друг друга узнали (по крайней мере, так написано) и личных счетов не имели. Вопрос к Загорулько: «Что вам известно об антисоветской деятельности Гравеля?» И ответствовал Загорулько, а следователь записал: «Я являюсь активным участником антисоветской правотроцкистской террористической организации, существовавшей сначала в городском отделе НКВД и затем при областном управлении НКВД. Я был завербован бывшим начальником 4 отдела НКВД Лазуренко».

Дальнейший рассказ на этой странице к Гравелю не имеет отношения. Тут явно видна рука следователя, потому как больно Загорулько растекся мыслию по древу. Спросили его про Гравеля, а он сказал, что сам входит в организацию, потом — кто его завербовал, потом — что он был связан с Назаровым, Павлищевым и Здыховским. Страница закончилась, а на вопрос он еще не ответил! На другой странице он еще четверть ее отвечал не про Гравеля.

« — Позднее от Лазуренко я узнал, что в Кременчуге сейчас работает Гравель Александр, который до недавнего времени работал в облуправлении НКВД, и что Гравель еще в 1937 году, будучи в горотделе, вовлечен был в организацию Здыховским по поручению Назарова.

Вопрос к Гравелю А.И.:

— Показания Загорулько о вашем участии в правотроцкистской террористической организации вы слышали? Подтверждаете их?

— Да, полностью подтверждаю, так как они правдивы. Я действительно являюсь участником правотроцкистской террористической организации, в которую был завербован в 1937 году Здыховским Николаем, при вербовке меня от последнего я узнал, что Загорулько также является участником заговора в горотделе НКВД».

На сем очная ставка закончена, оба участника оставили свои подписи под тем, что не имеют счетов друг другу, в конце каждой страницы и в конце протокола. Далее следует подпись оперуполномоченного сержанта госбезопасности Зайцева. В тот же день Зайцев провел еще две очные ставки Гравеля с Махновецким и Здыховским и оформил обвинительное заключение для предания суду.

Из протокола очной ставки Гравеля и Здыховского:

«Вопрос к Здыховскому:

— Вы знаете Гравеля как участника правотроцкистской террористической орга-

низации?

— Безусловно. Я же ведь сам привлек Гравеля в организацию.

— Расскажите, при каких обстоятельствах завербовали Гравеля?

— В 1936 году начальником Полтавского горотдела НКВД был назначен Вепринский. Гравель в это время работал оперуполномоченным 5 отдела. С первых же дней приезда я стал наблюдать со стороны Вепринского к Гравелю недружелюбное отношение. Вепринский, вызывая часто Гравеля к себе в кабинет по служебным делам, придирался по всяким мелочам, доходящим иногда до издевательства. Гравель даже предпринял неудачную попытку покончить с собой. Я, видя такое отношение Вепринского к Гравелю, решил использовать это, чтобы привлечь Гравеля к троцкистской деятельности. Я неоднократно разговаривал с Гравелем о его взаимоотношениях с Вепринским и о безвыходности его положения, о том, что Вепринский располагает на него веским компроментирующим материалом и при желании может его посадить как подозреваемого в шпионаже. Я напомнил ему еще и об интимной связи с женой разоблаченного врага народа Свиридова Романовой, что также послужит компроментирующим материалом. В свою очередь, я рассказал ему, что мое положение не лучше и меня ожидает такая же участь, если меня разоблачат как бывшего царского офицера. Я говорил Гравелю, что все это происходит благодаря неправильной политике партии, что пора уже давно закончить гонение на людей с грязным прошлым, что это приводит только к обозлению и что рано или поздно должны произойти перемены в государственном строе. Здесь я подробно говорил, что несмотря на то, что с троцкистами ведется решительная борьба, направленная на ликвидацию всех антипартийных группировок, троцкистские кадры формируются снова и продолжают вести подпольную работу. Затем я ему прямо сообщил, что сторонники троцкизма имеются и в нашем горотделе НКВД в лице Назарова, Лазуренко, Загорулько, в том числе и меня. На мой вопрос, согласен ли он принять участие в организации, Гравель ответил утвердительно.

Вопрос к Гравелю:

— Вы слышали показания Здыховского о вашем участии в правотроцкистской организации. Подтверждаете их?

— Да, слышал, подтверждаю их полностью. Я действительно в мае 1937 года был завербован Здыховским Николаем и проводил предательскую деятельность в органах НКВД, скрывая от разоблачения троцкистские кадры».

Из протокола очной ставки Гравеля и Махновецкого:

«Вопрос к Гравелю:

— Вы знаете сидящего перед вами?

— Да, знаю. С Махновецким Львом Соломоновичем я знаком с конца 1937 года по совместной работе в Кременчугском горотделе НКВД.

— Что вам известно о принадлежности Махновецкого к правотроцкистской террористической организации?

— В конце 1937 года перед отъездом на постоянную работу в Кременчугский горотдел НКВД я получил задание от Назарова вовлекать в организацию новых участников из числа антисоветски себя проявляющих. Выполняя задание Назарова, я в конце января 1938 года пытался вовлечь Махновецкого, в отношении которого мне были известны факты его троцкистских проявлений. В разговоре с ним на эту тему Махновецкий рассказал мне, что он уже состоит в правотроцкистской террористической организации, в которую он был вовлечен еще на работе в Камышнянском районе бывшим секретарем райпарткома. Подтвердив мне, что он целиком разделяет террористические установки в отношении руководителей партии и правительства, Махновецкий рассказал мне о той предательской работе, что он провел в Камышне.

Вопрос Махновецкому:

— Вы подтверждаете показания Гравеля?

— Показания Гравеля я категорически отрицаю. За время совместной работы в течении двух месяцев в Кременчугском горотделе НКВД я с Гравелем никаких разговоров о якобы моем участии в правотроцкистской организации не имел. Считаю его показания вымыслом.

Вопрос Гравелю:

— Вы настаиваете на своих показаниях?

— Да, настаиваю категорически. С Махновецким как членом правотроцкистской организации я был связан лично».

Как вы видите, читатель, и в это время существовали люди, которые на следствии отрицали показания против них и не топившие других. И что важно — это фиксировалось в протоколах допросов и очных ставок. Махновецкого допрашивал тот самый сержант госбезопасности Мироненко, прославившийся тем, что свои боксерские навыки успешно применял на следствии, сначала сообщая подследственным, что он может превратить их в инвалидов или убить, если они не будут сотрудничать со след-

ствием. Об этом рассказывал позднее начальник Кременчугской колонии Рабинович, которого в камере отхаживал известный нам Гравель. Как мы видим, Махновецкого это не устрашило.

20 сентября дело было закончено. Итого, получается статья 54, а именно часть 1, то бишь измена Родине, часть 11, то есть членство в антисоветской организации, часть 8, то бишь участие в террористической организации и разделение взглядов руководства оной на террор в отношении верхушки партии и страны. Еще у Гравеля была 10 часть статьи, то бишь антисоветская агитация. Обычный приговор для военнослужащих с таким «созвездием» частей статьи 54 — ВМН.

С 20 сентября Александр Иосифович ждал конца жизни. Думается, что иллюзий насчет своего будущего он не имел. Он, правда, не знал, что в стране происходит изменение карательной политики. Но расстрельные приговоры выносились и в конце 1938, и в начале 1939 года. Вопрос был в том, как взглянут на его дело — по-старому или по-новому. Пока же — полтавская осень, желтеющие листья, занесенные ветром в тюремный дворик, и стены, сквозь которые не пройдешь. Что-то там, за ними, делается, но вот что? И сон в тюрьме не такой, как дома. Даже если хочешь спать — тюрьма ночью не спит. Лязг запоров, грохот железа о железо, голоса конвоиров в коридоре.

17 октября расстрелян воентехник 1 ранга Трахтенберг, дело которого вел Гравель. Он ждал суда и приговора с апреля. 16-го расстрелян другой подследственный Гравеля — Фостий. В октябре же смерть нашла и третьего — Амчеславского. Дела на них закончены весною, но они ждали приезда Военной коллегии Верховного суда. И дождались, не прожив и суток после этого.

Дело о шпионаже завели на Гравеля в начале мая 1938. В деле имеется довольно много документов, датированных концом 1937 — февралем 1938. Скорее всего, Александра Иосифовича проверяли, в том числе, на предмет связи с гражданкой Романовой и с заграницей. Имеются протоколы допросов гражданки Романовой (в них есть своя невидимая миру слеза) и трех свидетелей, знавших Александра Иосифовича, когда того звали не так торжественно, то есть в детстве и юности.

Свидетель Лукьянец А.А. допрошен 23.01.1938, допрашивал его Лебединцев Хаим Мордухович, врид секретаря Кременчугского ГО НКВД. Лукьянец жил в Кременчуге, трудился в артели «Осева гайка» рабочим в кузнечном цеху, украинец, гражданин СССР, по социальному происхождению из крестьян-бедняков, в семье была только хата и усадьба, до революции — крестьянин-батрак.

Из протокола допроса Лукьянца: «Я знаю гражданина Гравеля с 1923 года. Гравель Александр — житель села Поток Кременчугского района УССР. В 1924 или 1925 году (точно не помню) на открытом партийном собрании в селе Поток Гравеля принимали в кандидаты партии, и на собрании некоторые коммунисты ему задавали вопросы о его службе Петлюре. Гравель это отрицал, и на том же собрании его приняли в кандидаты партии. Приблизительно в 1931 году я его встретил в поезде, когда ехал из Александрии Днепропетровской области. Второй раз я с ним встретился в цирке. Оба раза он был в форме НКВД. С тех пор я с ним не встречался, где и что он делает, не знаю. О его действительной службе у Петлюры или в др. бандах я доказать больше ничем не могу, как мне ничего, кроме вышеизложенного, неизвестно. С моих слов записано верно».

С точки зрения авторов, спрашивать про службу Гравеля в Петлюровской армии слегка нелогично, потому как наш герой 1902 года рождения. Вот в отрядах всяких батек — это возможно, но сводки о борьбе с бандами в Кременчугской губернии говорят, что в левобережной части губернии имелись только небольшие бандочки криминального характера. Да еще в 1920 году вблизи проходил один из отрядов Махно. Впрочем, товарищ Лебединцев мог этого не знать, а честно выполнял порученное дело. Оттого допросил в качестве свидетеля еще и гражданина Иванца Ивана Семеновича из села Потоки. Иванец — бывший портной, сейчас — участковый инспектор Кременчугской милиции, образование — три класса сельской школы. Ранее состоял кандидатом в члены ВКП(б), переведен при чистке в сочувствующие за политическую неграмотность.

Из протокола допроса Иванца: «Я знаю Гравеля Александра приблизительно с 1917 года как жителя села Поток. Помню, что Гравель в 1917 или 1918 году служил в какой-то части и являлся в Потоки всегда вооруженный. Интересуясь военным делом, я с ним, с Гравелем, имел разговор по поводу приема меня в армию. Не помню, что он мне ответил, но факт, что я тогда в армию не поступил. В какой же армии он служил, мне неизвестно, хотя этим вопросом я интересовался. В 1925 году Гравель был судьей в селе Потоках, до этого был председателем сельсовета в этом же селе. Больше мне о нем ничего неизвестно. Знает о нем хорошо, как старый активист советской власти, житель села Поток Кугий Ефим Прокофьевич. Протокол с моих слов записан верно».

Что можно сказать? Товарищ Иванец явно что-то путает. В 1917 году Гравелю было 15 лет, а властей в стране и селе Потоки было не так много, чтобы не догадаться, какая

власть вооружила и взяла на службу малолетнего Сашу Гравеля, которому аж позавидовал не менее малолетний Ваня Иванец.

Допрос Кугия проводил сам начальник горотдела НКВД Борин. Не то все были в разгоне, не то у Борина были свои резоны. Как-то Гравель, давая показания в 1939 году про безобразия в системе НКВД, намекал, что Борин отнесся к нему как к недостаточно компетентному следователю. История тогда случилась такая: был арестован гражданин, и вот Гравель, работая с ним, убедился, что гражданин арестован зря, его паспортные данные совпадали с данными разыскиваемого НКВД человека, но это был не тот, кто нужен. Гравель рассказал об этом Борину, полагая, что надо бы отпустить задержанного. Но у Борина были другие планы, он решил, что раз уж арестант есть и носит нужные ФИО, то пусть и признается в нужных преступлениях. Тут Гравель дал понять, что ему бы надо заняться чем-то другим. Борин тоже дал понять, что отрицательно относится к служебным качествам Гравеля, поэтому вызвал сотрудника по фамилии Дидусь и поручил тому заняться делом. Тот справился, за короткое время доведя арестованного сначала до дачи признательных показаний, потом до шока. Гравель еле-еле привел того в чувство и сдал медикам. Дальше он ничего о судьбе несчастного не знал.

Из протокола допроса Кугия:

«— Где находился и что делал Александр Гравель во время гражданской войны?

— Хорошо помню, что во время гражданской войны Гравель Александр находился в селе и учился в школе. Он был тогда совершенно молодым.

— Поступал ли Александр Гравель на службу в какие-то антисоветские армии или отряды?

— Утверждаю, что Гравель Александр Иосифович ни в какие антисоветские армии или отряды не вступал. Он находился в Потоках, учился в школе и никуда не выезжал.

— Что вам известно о политических настроениях в семье Гравелей?

— Гравеля Иосифа, главу семьи Гравелей, характеризую как советского человека. И так же его знают другие колхозники».

Первый допрос Романовой произошел 28.11.1937. Романова Александра Ивановна, 1905 г.р., проживала в Полтаве на улице Пушкинской, русская, имела дочь Аиду 10-ти лет. Очень интересная запись сделана в редко заполняемой графе «Награды при советской власти». Запись такая: «Финансовая награда к десятилетию органов ГПУ». Каким боком гражданка Романова относилась к ГПУ, так чтобы на десятилетие организации удостоиться награды, нигде не раскрыто.

Из протокла 1-го допроса Романовой: «Гравель несколько раз бывал у меня на квартире, и его посещения меня не носили характер служебного порядка, а просто посещал как знакомую. Никаких близких связей с Гравелем я не имела. Разговоров о работе органов НКВД не было, за исключением того, что я Гравелю жаловалась, что по своей глупости вышла замуж за Свиридова, через которого лишена работы в органах НКВД. Гравель, как и другие мои знакомые, посоветовал подать заявление товарищу Ежову. Больше показать ничего не могу. С моих слов записано верно».

Есть впечатление, что она ранее работала в органах, почему и получила награду к дате, потом отчего-то вынуждена была уйти. Из-за ареста бывшего мужа восстановлению пока не подлежала.

Из протокола допроса Романовой от 8.02.1938:

«— Скажите, гражданка Романова, кого вы знаете из работников НКВД в Полтаве?

— Знаю сотрудника НКВД Гравеля Александра Иосифовича, который арестовывал моего бывшего мужа Свиридова и вел на него следствие. Я бывала у т. Гравеля 2-3 раза. Первый раз я зашла в горотдел НКВД к т. Гравелю, а второй раз показала заявление, что я от Свиридова отказываюсь. По какому вопросу приходила я третий раз, вспомнить не могу.

— Бывал ли Гравель у вас на квартире, знали ли вы Гравеля еще до ареста вашего бывшего мужа Свиридова?

— Гравеля я впервые увидела, когда он производил арест Свиридова, а посему он не мог быть в моей квартире раньше.

— После посещения Гравеля в горотделе вы имели с ним встречи или нет? Если да, то какого характера?

— Приблизительно через месяц-два я встретила Гравеля на улице, имела с ним беседу, но о чем, вспомнить не могу. После этой встречи я имела с Гравелем еще несколько встреч, он заходил ко мне на квартиру, провожал с города. Встречи прошли товарищески, но впоследствии я стала увлечена Гравелем. Физиологически связей с ним не имела, но идеологическая связь между нами была. Взаимностью Гравеля я пользо-

валась. Во всяком случае Гравель меня удовлетворял. Последняя встреча с Гравелем у меня была в ноябре 1937 года.

— Чем можете дополнить свои показания?

— Больше дополнить ничем не имею. Но хочу внести изменения в то, что указано выше: я хотела сказать, что он духовно меня удовлетворял».

Этот пласт документов в деле появился благодаря помощнику военного прокурора по Харьковской области старшему политруку Сагайдакову, который в декабре 1938 затребовал от особоуполномоченного по Полтавскому УНКВД младшего лейтенанта госбезопасности Тимченко дополнительную информацию. Гравеля серьезно проверяли по биографии. Был ли инициатором поверки Вепринский — из дела непонятно, но при проверке плотно интересовались возможностью службы Гравеля в антисоветских армиях и бандах и связей с заграницей. Возможная связь с гражданкой Романовой — это тоже поиск компромата, видимо, по доносу.

8 декабря уже знакомый нам сержант госбезопасности Зайцев принял к производству дело Гравеля и нашел, что имеющиеся данные изобличают Гравеля в троцкистской деятельности и что по делу требуется проведение ряда следственных действий, о чем сообщил прокурору. Поэтому в деле оказались протоколы допроса свидетелей.

Из протокола допроса Здыховского от 7.02.1939:

«— Что вам известно о связи Гравеля с женой разоблаченного врага народа Свиридова Романовой?

— Мне лично об этой связи ничего неизвестно. В начале 1937 года мне кто-то из сотрудников горотдела НКВД, не помню кто, рассказал, что Гравель проводит время со Свиридовой и один раз видел его с ней на Октябрьской улице.

— В каких взаимоотношениях находился Гравель с бывшим начальником горотдела НКВД Вепринским?

— В плохих. У Вепринского было пристрастное отношение к Гравелю, и придирался по разным мелочам. На одном из совещаний, на котором я не присутствовал, Вепринский якобы много говорил о плохой работе Гравеля. Через некоторое время Вепринскому стало откуда-то известно, что Гравель собирается покончить с собой. Вепринский вызвал меня и приказал немедленно разыскать Гравеля. Вскоре Вепринскому позвонили, что Гравель в пьяном виде находится в отделении ДТО ст. Полтава-Южная. Вепринский сам поехал на пролетке на ст. Южная и якобы (мне уже потом рассказали люди) привез его в горотдел. После этого Гравель с Вепринским будто бы помирился и даже получил путевку в санаторий.

— Расскажите более подробно, при каких обстоятельствах вами был вовлечен в правотроцкистскую организацию Гравель.

— Я не состоял в ней, и является ли Гравель троцкистом — не знаю».

Следователь (тот самый Зайцев) напомнил Здыховскому о том, что он, Здыховский, в сентябре минувшего года про это говорил по-другому, и попросил уточнить, почему тогда он дал другие показания. Ответ: «Показаний я не давал, подписал протокол, написанный следователем, вследствие болезненного морального и физического состояния».

Из протокола допроса Загорулько от 30.12.1938: «Я показаний о своем участии в правотроцкистском заговоре не давал, а подписал протокол моего допроса ввиду физического воздействия на меня со стороны следователя. О принадлежности к правотроцкистской организации Богрова, Макаренко, Лещенко, Гравеля, Махновецкого я ничего не знаю, указанных лиц я знал только как работников НКВД». Вот так.

По Свиридову пришла справка, что Свиридов Николай Сергеевич, 1895 г.р., проживавший в Полтаве, осужден военным трибуналом 1.11.1937 по первой категории. Это расстрел.

Гравеля еще несколько раз допросили. Первый раз — 25 декабря. Как ожидаемо, сведения пошли не те, что были ранее: «Взаимоотношения с Вепринским у меня были ненормальными, я выступал против Вепринского во время выборов комитета партийной организации Полтавского горотдела НКВД. Считаю, что отношения Вепринского ко мне ухудшились только потому. А со Здыховским у меня были отношения нормальные, я с ним не ссорился. Никогда Здыховский меня не успокаивал и не говорил о том, что хочет проводить в отношении меня Вепринский».

Дальше последовал рассказ о том, что на совещании в горотделе Вепринский сказал, что Гравель за последние полгода ничего не сделал, в то время как он «имел показатели по работе», и наш герой впал в нервное расстройство, пытался дома успокоиться, ничего не вышло, и он попытался покончить жизнь самоубийством, но ему помешала дочь, позвонившая Вепринскому. А потом:

«Я подошел к бывшему начальнику отдела кадров Харьковского отдела НКВД Марусинову, который меня на третий день вызвал к себе, где там был и Вепринский. В

результате разбора моего дела меня признали нервнобольным и дали путевку в санаторий, и поехал я лечиться в Одессу.

— Вы вели дело майора Владимирова, и чем оно закончилось?

— Он обвинялся в антисоветской агитации и вредительстве и был осужден к 7 или 8 годам заключения.

— Вы применяли незаконные методы следствия?

— Да, я бил одного арестованного, фамилию его не помню, он обвинялся в шпионаже. Вместе со мною в побоях принимал участие еще один сотрудник Полтавского облуправления НКВД, фамилию его также не помню.

— В своих показаниях вы разоблачили Махновецкого, что он участник правотроцкистской организации. Соответствует ли это действительности?

— Я показаний на Махновецкого не давал, я подписал готовый протокол, потому что меня следователь Зайцев бил, а перед очной ставкой меня следователь Устенко бил в присутствии Зайцева.

— Почему же вы указываете, что следователи вас били, когда вы сами били арестованных при допросе?

— Я бил одного арестованного, и я претензий, что меня били, не имею, а заявил, что меня били для того, чтобы я подписал протокол с показаниями, которых я не давал.

— Вы подтверждаете свои показания об участии в правотроцкистской организации?

— Я никаких показаний о своем участии в правотроцкистской организации не давал, потому что я не являлся членом этой организации».

Следующий допрос состоялся 15 февраля и был посвящен сложным взаимоотношениям с Романовой:

«Не помню, но, кажется, в мае месяце 1937 года мною, Машошиным и Марченко был арестован бывший помначразведдивизиона 25 дивизии Свиридов. При производстве ареста Свиридов оказывал сопротивление, но его жена оказала на него влияние, и он подчинился. В этот момент я узнал о Свиридовой-Романовой. На другой день Свиридова-Романова пришла ко мне в горотдел НКВД и принесла переписку ее мужа Свиридова, о чем я доложил Вепринскому. Приблизительно дней через пять Свиридова позвонила мне в горотдел и попросила помочь в квартирном вопросе, так как ей командование части предложило выселиться. Я ей пообещал уладить этот вопрос. Я сейчас же пошел к Вепринскому и ему об этом доложил. Вепринский мне сказал, чтобы я позвонил прокурору и с ним договорился, что я и сделал и, в свою очередь, по телефону сообщил Свиридовой о принятых мерах. Спустя месяц или полтора, точно не помню, по дороге к горотделу я встретился со Свиридовой, которая еще шла с какой-то женщиной, с которой она меня познакомила, и мы втроем пошли по направлению к горотделу НКВД. Подойдя к горотделу, Свиридова меня попросила провести ее еще немного дальше, на что я не возражал, затем у дома РЖБК она свою просьбу повторила, и таким образом я проводил ее до самого дома. На крыльце дома я побыл с ними минут 15-20 и, распрощавшись, пошел в горотдел на работу. За время нашей прогулки разговоры шли на отвлеченные темы, абсолютно не относящиеся к делу ее мужа. Через месяца полтора я вторично встретился на Октябрьской улице со Свиридовой и той самой особой, муж которой капитан той же части, что и Свиридов. На этот раз я так же проводил их до дома и зашел в квартиру и побыл с ними минут 40. После того я со Свиридовой не встречался, так как избегал с ней встреч.

— Скажите, что вами руководило, когда вы вступали в разговоры с человеком, муж которой изобличен как враг народа? Ведь вы же были оперативным работником и должны были отдавать отчет своим действиям.

— Я этим знакомством не преследовал никакой цели. Я не считал ее врагом народа, так как мне было известно, что она непричастна к делу ее мужа. Однако я сознаю, что мой поступок был нечекистский, в то время когда я работал в органах НКВД».

На этом протокол допроса заканчивается.

Не кажется ли, что Гравель, словно святой Петр, отрекся в который раз?

Еще один коротенький допрос Гравеля состоялся 20.02.1939 и должен был закрыть подозрение в шпионаже, судя по содержанию:

«— Я переписки с родственниками, живущими за границей, никогда не вел. Где они находятся в данное время, я не знаю, так как с 1913 года и мой отец с ними не имеет никакой связи. В Польше живет сестра моей жены Бондарь Анна Ивановна, но связи с ней ни я, ни ее родители с начала войны не имеют.

— А почему вы умалчиваете, что брат вашей жены — участник деникинской армии и находится за границей?

— У моей жены братьев нет и никогда не было. Я считаю, что здесь произошла ошибка, и полагаю, что речь идет о родственнике сестры моей жены, это Отрешко Евгений Иванович, брат мужа, который в 1919 году неизвестно куда делся, но он ни в

каких армиях не служил».

Итого, все серьезные обвинения не подтвердились. Общение с женой врага народа — это не статья 54, хотя увольнение из рядов НКВД за это возможно.

20 февраля начальник отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Полтавской области младший лейтенант госбезопасности Тимченко составил постановление, где, скрупулезно перечислив ранее имевшиеся компроментирующие материалы на Гравеля, не менее скрупулезно их дезавуировал. И пришел к выводу:

«Принимая во внимание, что собранных материалов для предания суду обв. Гравеля недостаточно, и руководствуясь ст. 107 УПК УССР, на основании изложенного постановил: следственное дело по обвинению Гравеля Александра Иосифовича... дальнейшим производством предварительного следствия прекратить. Обвиняемого Гравеля из-под стражи освободить. Следственное дело по обвинению Гравеля сдать в 1 спецотделение для хранения в архиве. Копию настоящего постановления сообщить военному прокурору ПВВ НКВД по Харьковской области.

Тимченко.

Утверждаю: зам. нач УНКВД по Харьковской области Поляков».

20.02.1939 Гравель был освобожден, получив на руки отобранные при аресте паспорт, военный и профсоюзный билеты. Эта глава его жизни закончилась. В 1939 году он давал показания по незаконным методам ведения следствия в УНКВД Полтавской области. 16.10.1939 был уволен (снова) с исключением с учета согласно ст. 38 п. «в» Положения. Пункт «в» гласит: «Невозможность использования на работе в главном управлении государственной безопасности». Первый раз его уволили 9.08.1938 в связи с тем, что он арестован судебными органами.

Данных о том, чем занимался и где жил Гравель до 1942 года, у авторов нет. В 1942 году он был призван Байганинским РВК Актюбинской области Казахской ССР на службу. 10.09.1944 заместитель командира стрелкового батальона по политической части старший лейтенант Гравель награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Служил он тогда в 188 стрелковом полку 106 стрелковой дивизии 3 гвардейской армии. 16.09.1945 награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Служил в той же должности в том же полку, только стал капитаном.

Что было дальше? Наш герой стал хозяйственным работником, даже директором мясокомбината. Еще был жив в 1958 году. Дважды давал показания по поводу Назарова. Оба раза характеризовал Назарова положительно, отрицал, что тот состоял в правотроцкистском заговоре.

Эпилог

В качестве некоторой аналитики

Массовые репрессии 1937-1938 гг. в литературе сначала получили название «Ежовщины» от фамилии наркома Внутренних дел СССР, затем стало популярным название «Большой террор». Согласно документам, в Полтавской области за период с августа 1937 по январь следующего года было арестовано больше шести тысяч человек. Из них троцкистов и правых — 151, участников военно-фашистского заговора — 42, украинских националистов — 1046, по польской операции — 1312, по немецкой — 140, по японской — 21, по греческой — 37, церковно-сектантской — 400, по кулацкой операции — 3377, сионистов — 27. С первого января 1938 по первое августа того же года был арестован 6791 человек, в том числе по польской линии — 1152 человека, по немецкой — 234, по румынской — 4, по болгарской — 6, по японской — 27, по иранской — 24. Из них за осуждено было 4353 человека.

Известен факт, что попытка Ежова рассматривать дела по приказу №00485 потерпела крах, поскольку «двойка» в лице Ежова и прокурора СССР просто не успевала их рассматривать. На 10 января 1938 года из полтавских оставались нерассмотренными в Москве дела на 452 человека по польской линии и 94 по немецкой, а ведь на стол наркому продолжали ложиться дела из других областей, краев и республик. Поэтому Ежов сдался и сосредоточил свое личное внимание на особо важных для него делах, а основная масса работы была возложена на областные тройки.

Приведенные цифры достаточно давно введены в оборот, но анализировались они больше с точки зрения массовости либо рассматривались судьбы отдельных лиц и/или страт, подвергнувшихся репрессиям. Теперь у нас есть возможность глянуть на эти цифры еще и вот с какой стороны.

Согласно личному делу сержанта госбезопасности Махновецкого Льва, который упомянут в рассказе о том, как Гравель сам попал в узилище, он до 1937 года работал в Камышнянском районе, а во второй половине 1937 года переведен в Кременчугский

городской отдел НКВД оперуполномоченным. В деле содержатся данные о его «нагрузке» в районе. За первую половину 1936 года: работает с агентом С. (он считается ценным), который сам бывший политбандит и действует по линии политбандитизма. Завербован в 1933 году.

Производил подготовку к вербовке трех агентов: 1) М. — инспектор районо, подготавливается к работе по линии бывших петлюровцев и церковников: 2) Н. — агроном МТС, готовится для освещения разработки соседнего райотдела НКВД «Певцы»; 3) О. — для освещения разработки учителей, бывших членов «Просвиты», националистической группировки под руководством некоего галичанина-скрипниковца, прибывшего в СССР вместе с оккупировавшими СССР немцами в 1918 году.

Махновецкий был связан с 7-ю осведомителями, из них 5 — по линии украинской контрреволюции, 1 — по политбандитизму, 1 — по сельской интеллигенции. В первом полугодии вербовки не производил. Имел пять дел-формуляров, из них одно влито в разработку, остальные переведены в списочный учет. На списочном учете состояло 43 человека бывших политбандитов, из них по белой контрреволюции — 12 человек, по связи с закордоном — 10. За полугодие заведено 2 дела, по которым фигурирует 5 человек. Одно — по статье 69 УК УССР. Второе — сначала по статье 54-8 (террор) с применением закона от 7.08.1932, но переквалифицировано по статьям 170 и 78. Дела заведены по осведомлению.

Из характеристики на Махновецкого в Кременчугском горотделе НКВД: «Оперативной работой не занимается, так как брошен на следственную работу, с которой успешно справляется. С октября по декабрь 1937 года «получил сознание» 18 шпионов (польских, румынских, немецких, греческих). Во время следствия вскрыл шпионско-диверсионную группу румын из 5 человек».

Обратившись к усилиям Махновецкого в Камышнянском районе, можно увидеть, что он за полгода вел два дела, по которым проходили пять человек. Из них только одно дело по шпионажу (возможно, то самое по линии пятого отдела). В Кременчуге же он за три месяца проводит дела 18 человек только по шпионажу, которые успешно заканчивает. Невольно возникает вопрос об обоснованности этих дел, учитывая практически полное отсутствие опыта у Махновецкого в этой области, а также возможности качественно вести дела даже по критериям НКВД того времени из-за перегрузки. Пока авторы знакомы только с одним делом, которое вел Махновецкий, оно явных признаков фальсификации не имеет.

По утверждению А.А. Волкова, в 1938 году являвшегося начальником Полтавского областного управления НКВД, при образовании Полтавской области заново в управлении не было необходимых картотек подозрительных лиц и прочего инструмента оперативного учета. Поэтому в условиях прессинга со стороны руководства НКВД следственно-оперативный работник оказывался перед необходимостью взять и найти откуда угодно подозреваемых и материал для их ареста и осуждения. При этом он зачастую не имел должной квалификации для подобной работы.

Из показаний Волкова известно, как из области в район звонили и требовали срочно представить данные по делам на «Двойку», которые к тому времени не были готовы, а возможно, и не существовали. Зачастую эти списки в область докладывались по телефону. Поэтому нет ничего удивительного в том, что даже непреднамеренные следственные ошибки были многочисленны.

Попытки Ежова в таких условиях провести в жизнь свой приказ №00485 представляются результатом полного незнакомства с реальной практикой оперативной и следственной работы в своем ведомстве. Результат не заставил себя ждать.